

ВСОЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЬГИН

ХАОСПАТРОЧ

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Хаоспатрон

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5010980
Шалыгин В. В. Хаоспатрон : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63038-7

Аннотация

Странное происшествие на посту ГИБДД, когда в молекулярную пыль распался потрепанный фермерский «уазик» вместе с водителем, оказалось лишь звеном в длинной цепочке необъяснимых событий, которые начались почти тридцать лет назад в джунглях Камбоджи. Именно там пропала без вести группа советских морпехов под командованием майора Боброва. Морпехи искали таинственный Объект С-29, он же Бриллиантовый замок. Высокопоставленный сотрудник российского МИДа Вадим Фролов вплотную подобрался к тайне С-29, раскрыть которую попытался еще его отец. Ведь владеть сверхтехнологиями Бриллиантового замка означает контролировать ситуацию во всем мире

Содержание

Пролог	4
Подмосковье, 27 февраля 2012 года	40
Народная Республика Кампучия (Камбоджа), 29 февраля 1984 года	63
Москва, 27 февраля 2012 года	89
Народная Республика Кампучия (Камбоджа) 29 февраля 1984 года	102
Москва, 27 февраля 2012 года	118
Кампучия (Камбоджа), 29 февраля 1984 года	129
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Вячеслав Шалыгин

Хаоспатрон

Пролог

Москва, 29 февраля 2012 года

В сводках погоды о таких днях говорят «пасмурный», но инспектор ГИБДД лейтенант Савельев предпочитал слово «хмурый». Никаких осадков и снежной каши на дорогах, скачков температуры, штормового ветра или других погодных сюрпризов последний день зимы пока не преподнес. Тянулся тихо и мирно, только хмуро. С самого утра небо заволочило серыми облаками, но вот уже почти пробило полдень, а снег, как вчера, так и не повалил. В общем, погода больше хмурилась, делала вид, что чем-то недовольна и опечалена, чем была расстроена на самом деле.

«Оно и к лучшему, – подумалось лейтенанту. – Меньше ДТП и всяких авралов. Может, хотя бы сегодня домой вовремя вернуться».

– Смотри-ка, помыл, – напарник Савельева кивком указал на проезжающий мимо «уазик». – Ну, дает, Михалыч. Пока холодно было, как чушка ездил, а теперь помыл, в самую грязюку.

Лейтенант перевел взгляд с неба на землю и вернулся к действительности. Рабочий день пока не закончился, а значит, о возвращении домой лучше не думать, чтобы не расхолаживаться. Савельев проводил взглядом машину местного фермера, проезжавшую мимо поста по шесть раз на дню, и хмыкнул, как бы разделяя скепсис напарника.

– Сейчас свернет и вырубит фары, – напарник покачал головой. – Экономный мужик. Надо как-нибудь за поворотом встать, нахлобучить его за это дело.

Савельев снова промолчал, лишь кивнул. Его почему-то опять потянуло на лирику, а вернее – на созерцание окружающей местности. Хотя любоваться было нечем: Ярославское шоссе, двухуровневая дорожная развязка Пушкино – Ивантеевка, торчащая из грязного снега лесополоса и серые контуры поселков слева и справа давно приелись. Да и не было в них ничего интересного и красивого даже летом, когда пейзаж выглядел не настолько уныло. Но сегодня Савельева почему-то так и подмывало поиграть в наблюдателя-натуралиста. Или, может, дело было в какой-то новой детали, появившейся на знакомой до боли картинке?

Прямо по курсу ничего необычного не наблюдалось, это точно. Савельев обернулся и снова отыскал взглядом машину Михалыча. Неестественно чистый «уазик» выглядел, конечно, практически чужеродной деталью пейзажа, но не настолько, чтобы...

Лейтенант вдруг встрепенулся и невольно проронил

невнятное ругательство. То, что он увидел, стало как раз той новой деталью окружающей местности, которую интуитивно искал инспектор. Но что конкретно увидел лейтенант Савельев, он не мог объяснить даже самому себе. Метрах в десяти перед «уазиком» Михалыча вдруг возникло нечто вроде колеблющегося облачка тумана или небольшого мутного вихря, и одновременно инспектор услышал негромкий хлопок. Вроде отзвука далекого выстрела. А затем «уазик» вдруг остановился. Только не затормозил в экстренном порядке, а внезапно встал как вкопанный, словно врезался в невидимую стену.

Савельев не разглядел, что стало с капотом машины, и, главное, не услышал звука удара, но звон стекол и натужный стон сминаемого железа он расслышал отчетливо, гораздо лучше, чем непонятный хлопок. При этом мотор помятой машины продолжал работать, это определялось по густому выхлопу, которым отравлял атмосферу ветеран отечественного автопрома.

Секундой позже лейтенант услышал еще два хлопка, тоже похожие на выстрелы, но теперь громкие, будто из охотничьей двустволки. На самом деле это были не выстрелы, а звуки лопнувших передних шин. «Уазик» резко накренился вперед и наконец заглох. Для Савельева это стало последним доказательством того, что на второстепенной дороге, в трех сотнях метров от поста ДПС, происходит нечто странное.

«Может, гвоздей кто-то накидал? Или борону какую-ни-

будь потерял. Не повезло Михалычу».

Лейтенант, не оборачиваясь, протянул руку и дернул напарника за зеленый жилет.

– Что? – напарник взглянул на Савельева, а затем проследил за его взглядом.

В этот момент «уазик» вдруг коротко и как-то жалобно вякнул клаксоном, а затем... в один неуловимый миг лишился капота и передней подвески. Нет, под машиной ничего не взорвалось, и никакой столб поперек капота не рухнул. Передняя часть машины просто вдруг взяла, да и рассыпалась на мелкие кусочки, как столетний ржавый хлам после удара гигантской кувалды.

Выглядело это, мягко говоря, странно. Да, «уазику» было сто лет в обед, но ведь не настолько он был ржавым. Но главная странность заключалась в том, что ржавые обломки не рухнули на землю, а начали кружить, сталкиваться и даже взмывать вверх на приличную высоту. Складывалось впечатление, что непонятный мутный вихрь аккуратно отпилил у машины переднюю часть, изорвал ее на мелкие кусочки и теперь пытался жонглировать обломками, не умея толком этого делать.

– Это... что за... хрень? – напарник удивленно уставился на Савельева.

– Я знаю? – лейтенант отвел взгляд и пожал плечами. – Может, торнадо?

– Какое, на хрен, торнадо? – напарник возмущенно округ-

лил глаза. – Погода шепчет, разве что солнце не светит! За день не дунуло ни разу.

– Так-то да, – Савельев, соглашаясь, кивнул. – Вообще-то, в первую очередь это ДТП. И, похоже, с пострадавшими.

– Ну, так по коням, Савелий! – напарник вынул из кармана ключи от служебной «Лады».

– Оперативному надо доложить, и в «Скорую» сразу... – Савельев кивнул, но с места так и не сдвинулся. – И в МЧС.

– Оперативный сам всех вызовет, – напарник двинулся к машине, попутно подтолкнув лейтенанта. – Давай, давай, шевелись!

Инспектора запрыгнули в машину, лейтенант Савельев тут же взялся за рацию, а напарник врубил задний ход и, пользуясь случаем, не без удовольствия выполнил лихой «полицейский разворот». Благо размеры площадки перед постом позволяли выписывать такие кренделя.

Минутой позже офицеры уже стояли рядом с «уазиком» и растерянно оглядывались, не в силах понять, что же произошло и, главное, куда подевался Михалыч?

Передние двери «распиленного» неведомой стихией «уазика» были распахнуты и заметно тряслись, словно мотор машины по-прежнему работал. Но мотора «уазик» больше не имел, поэтому объяснить странную дрожь, охватившую остатки кузова машины, было нечем.

В поисках водителя Савельев осторожно, не притрагиваясь к «уазик», заглянул в распахнутую дверь. Руль машины

лежал на переднем сиденье, а на месте педального узла зияла дыра, через которую несложно было разглядеть асфальт. Савельев сделал шаг вперед, собираясь обойти машину спереди, но вовремя одумался. Никакого торнадо перед машиной он не видел, но это не значило, что его там нет. Ну, или не торнадо, а какой-нибудь другой непонятной аномалии.

«Вот! Аномалия! – вдруг осенило Савельева. – Может, природная, а может, и нет. Мало ли? С боевого спутника, допустим, жажнули из новейшего оружия. Случайно. Звучит, как фантастика, но кто знает...»

– Не врубаюсь, – громко заявил напарник, заглядывая в машину через пассажирскую дверь, – чего он трясется? И где следы? Если Михалыч выбрался, следы должны быть.

– Может, вылетел?

– И куда улетел?

– Братки! – вдруг простонал кто-то неподалеку. – Помогите!

Савельев резко обернулся. Неподалеку-то неподалеку, но метров на двадцать пострадавший в странном ДТП Михалыч все-таки улетел. Причем умудрился плюхнуться в самую грязь.

Увязая в холодной грязи и тихо матерясь, офицеры доковыляли до пострадавшего, подхватили его под мышки и за ноги и выволокли на дорогу. На все про все ушло минут пять, и весь этот отрезок времени Михалыч не затыкался. Стонал и обрывочно описывал происшествие:

– Я, мать его, даже по тормозу топнуть не успел! Хрясть, и как в стенку! Километров шестьдесят ехал, об руль трымзнулся, все печенки отбил!

– А вылетел как? – вклинился Савельев в речевой поток пострадавшего.

– Дык, это опосля! Когда капот начал сыпаться! Затряслось все, потом – бац! – колеса лопнули, двери нараспашку, и меня, как мячик... зафутболило. Ой, не трясите, братки! Болит все!

Офицеры вняли просьбе и осторожно уложили пострадавшего на асфальт.

– Где больно? – Савельев окинул Михалыча взглядом.

– Все болит, говорю же! – фермер скривился и жалобно хныкнул. – Не сдюжу, братки! Ломает, сил нет! Помираю, видать!

– Потерпи, – напарник Савельева выпрямился и обернулся в сторону шоссе. – Вон, уже «Скорая» едет. Сейчас ужалят чем-нибудь приятным – и все дела. Потерпи, Михалыч.

– А там что за колонна? – негромко спросил Савельев, кивком указывая на следующие за «Скорой» машины. – Смотри-ка, и наши, и спасатели нарисовались. А за ними... модный какой-то.

– Думаешь, сюда? – напарник сдвинул на затылок шапку и утер со лба пот.

Савельеву отвечать не пришлось. Колонна машин была условная, из трех машин, не считая «Скорой». Один эки-

паж МЧС на «Газели», одна машина дорожной полиции с королевского поста, а замыкающим шел черный внедорожник «Мерседес» с наглухо тонированными стеклами. Откуда он взялся и почему пристроился за машинами экстренных служб, пока было непонятно. Но колонна в полном составе свернула с Ярославского шоссе и направилась следом за «Скорой» к месту происшествия, поэтому все сомнения развеялись окончательно. Машины выстроились одна за другой не случайно.

– Вообще ничего не понимаю, – признался напарник Савельева. – Это что, подстроено было? Сколько минут прошло? Десять, пятнадцать от силы? Что за нереальная оперативность?

– Лучше спроси, что это за сводная делегация, – едва заметно качая головой, проронил Савельев. – Особенно модные с мигалкой меня интересуют.

– Одно за другое цепляется... – напарник одернул жилет. – Что ясно уже сейчас: торчать нам сегодня на службе до посинения, Савелий. Пока разбор, пока то да се.

– Оперативно прибыли, может, и дальше все по-быстрому.

– Это вряд ли, – вздохнув, ответил напарник. – Поверь опыту. Ладно, разберемся.

Напарник вышел на разделительную полосу и медленно двинулся навстречу гостям, указывая жезлом, где следует остановиться головной машине колонны, в данном случае –

«Скорой».

Машина остановилась, где указал инспектор, а вот остальные транспортные средства на жестикуляцию полицейского не отреагировали, встали рядом со «Скорой», полностью перегородив проезжую часть. И дальше все пошло не так, как хотелось бы сотрудникам ДПС.

Первыми из своего авто выбрались «модные», то есть товарищи непонятно из какого, но явно правительственного ведомства. Трое стандартно и неброско одетых мужчин с одинаковыми выражениями на холеных физиономиях, как по команде, сунули руки в карманы и неторопливо прошли мимо инспекторов, не поздоровавшись даже кивком, словно те были невидимками. Четвертый, одетый не настолько прилично, да и на лицо «попроще», хотя бы кивнул, но беседовать тоже не стал. Пятый «товарищ» из машины вовсе не вышел, остался сидеть за баранкой, но тоже глядя при этом сквозь инспекторов.

Следующими выбрались на свежий воздух двое спасателей и медики, но никто из них не пересек условную линию, которая будто бы сама собой нарисовалась перед бамперами выстроившихся в ряд машин. Так и стояли ребята, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая то на товарищей из «Мерседеса», то на пострадавшего, рядом с которым сидел на корточках Савельев. Лишь после того, как один из «товарищей» дал отмашку, медики схватили носилки и чемоданчики и подбежали к Михалычу. Аккуратно уложив пострадавшего

на носилки, они подняли их и разложили упрятанную снизу складную конструкцию, превратив санитарный «трансформер» в каталку на маленьких колесиках.

– Не увозить! – проронил один из «стандартных товарищей». – Делайте, что там надо, но чтоб я видел.

– В стационар надо, – ответил руководящий бригадой врач.

– Отставить! – «стандартный» коротко, но строго взглянул на медика. – Окажете посильную помощь и свободны.

– Как же это?.. – доктор покачал головой, но фразу замял. Понял, видимо, что спорить бессмысленно. Он нахмурился, посмотрел на Савельева, а затем склонился над пострадавшим. – На что жалуетесь?

– Ой, на все, браток, – хрипло ответил Михалыч. – Жжет изнутри, будто перцем потроха забиты. И ломает... страшно!

– Метров на двадцать улетел, – подсказал Савельев, поднимаясь с корточек.

– лейтенант, – отвлек Савельева командир «товарищей», – отойдем.

Савельев приблизился к «стандартному», а затем прошел с ним чуть вперед, почти до той опасной аномальной зоны, где теоретически мог вращаться невидимый вихрь. Инспектор хотел было предупредить спутника, что дальше может быть опасно, но «товарищ» остановился без подсказок Савельева. Остановился, обвел взглядом пространство перед изуродованной машиной, затем окинул взглядом сам «уа-

зик» и обернулся к лейтенанту.

– Фролов Вадим Евгеньевич, – представился «стандартный» и достал из кармана удостоверение с гербом на обложке.

Ниже двуглавого орла была вытиснена золотом вовсе не та аббревиатура, которую ожидал увидеть Савельев, да и на развороте удостоверения значилось нечто непонятное, ранее лейтенантом невиданное: «Министерство иностранных дел». Господин Фролов, как значилось в документе, являлся заместителем начальника какого-то там департамента, кажется, связанного с безопасностью, толком Савельев не рассмотрел. А если бы и рассмотрел, не запомнил бы, очень уж его удивил факт встречи с представителем именно этого министерства на второстепенном загородном шоссе, вдалеке и от центра, и от тех мест, где проживают или предпочитают отдыхать власть предержащие. Конечно, водителей Савельеву приходилось останавливать разных, и документы они предъявляли тоже всякие, в том числе и удостоверения различных министерств и ведомств. Но чтобы общаться с начальством тех водителей, да еще по делу... как-то все это выглядело странно.

«Может, Михалыч на самом деле бывший дипломат? Абсурд! Но тогда какого хрена забыли здесь эти граждане?»

– Лейтенант Савельев, – с некоторым запозданием представился инспектор.

– Хлопок был? – без предисловий спросил Фролов и

уоставился на лейтенанта, словно экзаменатор на студента. – Негромкий, как от шампанского.

– Так точно, – лейтенант кивнул. – Секунд за тридцать до происшествия. Источник установить не удалось.

– Машину быстро располовинило? – новый вопрос дипломата оказался таким же нестандартным, как первый, но теперь Савельева он не удивил.

– Мы только подъехали... – лейтенант кивком указал на пост ДПС. – Сколько тут ехать... Тоже секунд за тридцать.

– Хорошо, – Фролов обвел задумчивым взглядом сонные серые заросли ближайшей лесополосы. – Никакого движения в зеленке не засекали? На трассе чисто было? Что-нибудь необычное видели?

Дипломат снова уоставился на инспектора. До Савельева вдруг дошло, что взгляд у Фролова вовсе не экзаменаторский. Это был взгляд опытного командира, а если еще немного подумать – особиста. В армии Савельеву довелось пообщаться с контрразведчиками, и у них были именно такие взгляды. Даже разговаривая со своими «за жизнь», эти люди смотрели так, словно пытались уловить в словах и поведении собеседника какую-то фальшь.

– Нет, Вадим Евгеньевич, – после секундной паузы ответил Савельев. – Ничего такого.

– Но хлопок был, – констатировал Фролов.

– Хлопок был, – согласился Савельев и добавил: – Даже три хлопка. Сначала тихий, вроде бы далекий, а затем еще

два, из-под машины. Колеса лопнули, как я понял.

– Правильно понял, – Фролов поежился от порыва ветра, налетевшего впервые за день, и обернулся к своим товарищам. – Время?

– Ровно полдень плюс тридцать, – ответил один из помощников дипломата, на миг отрываясь от переговоров по телефону, которые он без перерыва вел с момента прибытия на место происшествия.

– Что у тебя? – Фролов перевел взгляд на второго помощника.

Тот стоял по другую сторону «уазика» и мучил какой-то прибор, внешне похожий на планшетник. Савельев давно раздумывал, а не прикупить ли такой аппарат, и в результате изучения рынка начал неплохо разбираться в этих гаджетах. Но в первую очередь он понял, что на фиг не нужны эти дорогущие хреновины, когда тебе нужно всего-то раз в сутки проверить почту и на полчаса заглянуть в «Одноклассники». С этими задачами отлично справлялся и старый добрый стационарный комп с системным блоком в полстола, зато с нормальным монитором, а не с форточкой вместо экрана. Так вот, сейчас лейтенант видел нечто, отличное от «айпэда» и любой из рыночных моделей его конкурентов. Да и обращался с приборчиком помощник Фролова скорее как с каким-нибудь дозиметром или сканером: держал его на уровне пояса, тыкал в сенсорный экран большими пальцами и водил прибором из стороны в сторону. Параметры аномалии

замерял, что ли?

– Один в один, Вадим Евгеньевич, – ответил помощник. – Можно оформлять как третий случай.

– И что же тогда получается? – завершая опрос помощников, Фролов обернулся к третьему, одетому проще всех, который осторожно, но деловито, как заправский эксперт, изучал обломки «уазика».

– Триангуляция, – вместо эксперта ответил первый помощник, снова на миг оторвавшись от бесконечных консультаций по телефону.

– Сам так решил? – Фролов искоса посмотрел на первого помощника.

Тот коротко мотнул головой и указал на трубку.

– Компьютер высчитал. Стороны треугольника равны до метров. И временные промежутки равны. До минут. Если через двадцать три часа восемнадцать минут не будет четвертого случая...

– Компьютер сообщил вероятные координаты? – перебил помощника Фролов.

– Все здесь, – второй помощник потряс приборчиком. – Можем ехать на четвертую точку хоть сейчас.

– Нет, нельзя спугнуть клиента.

– Да и смысл? – первый помощник пожал плечами. – Сутки еще.

– Не будет клиента, – наконец высказался эксперт. – Потому что четвертой точки тоже не будет. В центр треугольни-

ка надо ехать, Вадим Евгеньевич. Там развернется продолжение банкета.

– Уверен? – Фролов внимательно посмотрел на эксперта.

– На сто процентов. Знаем такие фокусы, плавали. То же сначала внешние границы обозначались, а потом в центре шухер поднимался до небес. Пусть ваш компьютер эти... биссектрисы проложит и сбросит координаты, где они пересеклись.

– По четырем точкам тоже фигура строится, – скептически заметил первый помощник.

– Через сутки! – эксперт многозначительно посмотрел на скептика и поднял палец. – А завтра первое марта. Въезжаешь?

– Нет.

– Так и поступим, поедем в центр треугольника, – вмешался Фролов. – В любом случае ничего не потеряем. До завтрашнего полудня времени полно.

– Сами говорили, три дня на все, – первый хмыкнул.

– Это у вас, – отмахнулся Фролов и подошел к эксперту. – Оно самое? Теперь ты убедился?

– Бог троицу любит, – эксперт сдал немного назад и окинул взглядом обломки, как художник, который любит свое творение. – Теперь убедился. Надо же... двадцать восемь лет!

Заключенное в последней фразе утверждение показалось Савельеву сомнительным. «Узик» у Михалыча был древ-

ний, спору нет, но вряд ли настолько. Впрочем, эксперт мог говорить не о возрасте машины, а о чем-то другом. О чем? Этого лейтенант не мог понять, так же, как всего остального. Смысл странной беседы дипломатов ускользал от инспектора, как рассветная тень. Вроде бы говорили по-русски, а о чем – не понять. Одно слово – дипломаты.

Эксперт обернулся и кивком указал на Михалыча. Пострадавший по-прежнему стонал и тихо жаловался на самочувствие доктору, который уже завершил осмотр и подозвал фельдшера со шприцем в руке. И вновь Фролов отреагировал на ситуацию довольно странно. Он вдруг взмахнул рукой и окрикнул медика:

– Убери шприц!

– Чего? – фельдшер удивленно уставился на дипломата. –

С чего это вдруг?

– Обезболить надо, – вступился за коллегу врач, – у человека болевой шок может развиваться. И вообще, его в стационар надо везти.

– Я сказал – отставить, – отчеканил Фролов. – Свободны.

– Хотя бы обезболить...

– Свободны, я сказал! – повысил голос Фролов и слегка подтолкнул Савельева. – Лейтенант, проводите граждан.

– Братки... – Михалыч вдруг захрипел и закашлялся. –

Ой, кончаюсь! Не дайте помереть!

– Да по какому праву вы тут распоряжаетесь?! – возмутился врач, гневно глядя на Фролова. – Человек пострадал,

ему помощь требуется... квалифицированная!

– Лейтенант, – Фролов выразительным взглядом как бы продублировал приказ Савельеву.

Вообще-то, инспектор был согласен с врачом. Первым делом – помощь пострадавшим, а разборы полетов позже. Как записано во всех инструкциях и законах. Да и чисто по-человечески...

Заминка Савельева и скрытый протест у него во взгляде ничего не решили. Фролов просто махнул рукой напарнику инспектора и повторил свой приказ. В отличие от лейтенанта Савельева, его напарник не замешкался ни на секунду. Он взял обоих медиков под локотки и повел к «Скорой».

Уже поблизости от бело-красной «Газели» доктор попытался еще раз возмутиться, но инспектору пришли на помощь двое сотрудников МЧС. Они встали в проходе между машинами и преградили доктору путь к месту происшествия.

А ведь ни спасателям, ни напарнику Савельева странный дипломат своих «корочек» не показывал, то есть было непонятно, на каком основании они помогают Фролову и его команде нарушать конституционное право гражданина Михалыча на получение экстренной медицинской помощи. Примерно в ту же дудку дули коллеги с королевского поста. Они вообще не выходили из своего экипажа. Сидели и отстраненно наблюдали за происходящим, словно засадный полк в кустах.

«Может, я не все пока понимаю в этой службе? – подумалось Савельеву. – Тонкостей пока не просек? Так-то понятно, шишка из федерального министерства и все такое, может и права покачать, флаг ему в руки. Но человека-то зачем мучить? Почему нельзя хотя бы обезболивающее вколоть? Потому что дипломат так решил? А он кто, профессор медицины?»

– Ой, братки, совсем худо! – взвыл Михалыч, затем вдруг стиснул до хруста зубы, захрипел и выгнулся на носилках дугой, будто бы пытаясь встать на борцовский мостик.

Савельев рефлекторно дернулся в сторону носилок – мелькнула мысль, что Михалыча следует придержать, пока он не навернулся с метровой высоты на асфальт, и вставить ему в зубы что-нибудь, как эпилептику, – но инспектора остановил Фролов. Он резко выбросил в сторону руку и практически ударил лейтенанта в живот. Не специально, просто так получилось, слишком сильной вышла отмашка, но Савельеву от этого легче не стало. Удар пришелся почти под ложечку, и лейтенант на время забыл, как дышать.

Впрочем, в следующую секунду дыхание наверняка перехватило у всех присутствующих. Даже у тех, кто сидел в машинах.

– Назад! – крикнул Фролов.

Савельев отпрянул, но шаг назад сделать не успел.

Лицо у лежавшего на носилках Михалыча вдруг побагровело, покрылось сетью крупных синих прожилок, а затем

пострадавший фермер... лопнул! Да не просто лопнул. Он практически взорвался, как бомба, с достаточно громким хлопком. Даже воздух вокруг встряхнуло ощутимой «взрывной» волной. Ну и, конечно же, как от любой бомбы, по окрестностям разлетелось множество «осколков». В данном случае – ошметков плоти, обрывков одежды, капель крови и мелких обломков костей. Досталось этими поражающими элементами всем. Савельев, Фролов и один из его помощников были с головы до ног покрыты кровью и мелкими теплыми окровавленными кусочками. Спасатели, медики и напарник Савельева выглядели чуть лучше, но тоже как мясники в конце рабочего дня. Чистыми остались только водители и полицейские из второй машины ДПС.

На какое-то время над местом происшествия повисла мертвая тишина, а затем закрипели «дворники», стирая с лобовых стекол кровь, захлопали дверцы, и послышался разноголосый мат. Савельев какое-то время ориентировался именно на звуки, поскольку глаза ему пришлось протирать от чужой крови. Выручили влажные салфетки, которые с завидным упорством совала ему в карман жена. Все боялась, что заскочит Ванечка перекусить в чебуречную, возьмет восточный беляш грязными руками, да и заработает себе расстройство желудка. Замечания Савельева, что расстройство скорее всего будет вызвано качеством чебурека, а не микробами на руках, жена игнорировала. Чистюля наивная! Но сейчас Савельев сто раз поблагодарил судьбу за то, что

Оленька такая любительница чистоты.

– Твою мать, – проронил за спиной у Савельева напарник. – Савелий, ты живой? Сюда иди, снегом умойся!

– Какой на фиг... снег?! – лейтенант утер лицо салфеткой и достал другую. – Кровища кругом!

– Идем, провожу подальше, где чисто, – напарник ухватил Савельева за рукав.

– Да грязь там! – нервно отмахнулся лейтенант. – Пятилитровку из багажника достань!

– Ага, я мигом! – напарник бросился к машине.

– Все, песец, – пробормотал «эксперт» из команды Фролова. – Теперь нам всем карантин светит.

– Разберемся, – пообещал дипломат.

Савельев уже протер глаза и сумел оценить обстановку. Носилки, на которых несколько секунд назад лежал Михалыч, сами собой сложились и съехали в кювет. Никаких крупных частей тела поблизости не наблюдалось, а кровью и ошметками было залито-засыпано пространство диаметром метров в двадцать, не меньше. Фролов и его помощник тоже пытались утереться чем придется, а еще двое более-менее чистых дипломатов маячили у «Мерседеса», видимо, пытаюсь отыскать в машине какие-нибудь тряпки и воду, чтобы привести начальника и эксперта в божеский вид.

Выручили, как, впрочем, и положено, спасатели и медики. У первых нашлось достаточно воды, у вторых – всяких салфеток-простынок. В целом проблему это все не решило,

но хотя бы удалось сделать так, чтобы не слипались пальцы и ресницы и ничто не липло к одежде.

– Я надеюсь, Михалыч СПИДом не болел, – пробормотал напарник, поливая Савельеву на руки.

– Один хрен – карантин, – повторил эксперт, который умывался из той же канистры, что и Савельев.

– Из-за чего? – уцепился напарник. – Что это было?

– Что было, то было, – эксперт усмехнулся. – Забудь. Рекомендую.

– Иди в задницу со своими рекомендациями, – посоветовал напарник, направляя струю только на руки Савельеву. – Из лужи умоешься.

– Сам иди, – ответил эксперт, но при этом, казалось, ничуть не обиделся.

Он снова хмыкнул и подставил сложенные пригоршней руки спасателю, который помогал умываться Фролову.

– Понял, какие загадочные? – пробурчал напарник. – Подвели под монастырь, а теперь еще и морды строят, типа не вашего собачьего ума дело.

– Угомонись, – попросил Савельев. – Черт с ними.

– Я почти так и сказал, – напарник кивнул. – Только все равно карантин в мои планы не входит. У меня отпуск через неделю, путевка куплена. Таиланд, Камбоджа, трансвеститы, древние храмы... И что теперь?

– Теперь доживи до отпуска, – будто бы пародируя недовольный тон инспектора, проронил эксперт. – В Камбоджу

он собрался... трансвестит.

– Чего?! – напарник Савельева заметно напрягся.

– Успокоились все, – вмешался Фролов. – Пока неясно, будет карантин или нет, значит, и говорить не о чем. Гаврилов, умылся? Иди, перекури. А вы, господа полицейские, возвращайтесь к шоссе и перекройте эту дорогу. Пропускать только спецмашины. Задание понятно?

Офицеры нехотя покивали, но с места не сдвинулись.

– Понятно, конечно... – напарник взглянул на Савельева, затем снова на Фролова.

– Мы тут не одни, – Савельев кивком указал на королевский экипаж.

– Им тоже дам задание, – Фролов смерил взглядом полицейских и наконец озвучил главное, то, чего и ждали офицеры. – Кстати, начальство ваше в курсе, так что возражать не будет. Зато премиальные будут.

– Так-то да, – Савельев усмехнулся, – только наши премиальные не в вашей власти, Вадим Евгеньевич. Министерства разные.

– Не верите, – дипломат усмехнулся. – Ваше право. Выполняйте приказ.

– Домоюсь...

– На посту домоешься, – напарник вдруг ухватил Савельева за рукав и потянул к машине.

– Ты чего? – Инспектор высвободил руку, только когда напарники очутились рядом с машиной.

– Дают – бери, бьют – беги, – напарник кивком указал на шоссе, а затем примерно так же – на небо.

Савельев оглянулся. По шоссе ехала целая колонна новых «модных», десять машин. А когда инспектор поднял взгляд, увидел еще и четыре вертолета, которые заходили с востока. Причем все четыре были военными.

– Сюда, что ли? – усаживаясь в машину, спросил Савельев и еще раз посмотрел на небо, подавшись к лобовому стеклу.

– Надо же, сообразил наконец! – напарник завел двигатель.

– Я-то сразу подумал, странные дипломаты, – Савельев поморщился и, приоткрыв окошко, сплюнул. – Ни фига они нас не отпустят без карантина. Наврал Фролов.

– Типун тебе на язык, – напарник включил передачу и развернул «Ладу», чтобы по обочине объехать перегородившие дорогу машины. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, а что? – лейтенант беспокойно заглянул в зеркало заднего вида.

Лицо у него вроде бы не багровело, как это было у Михалыча, и синими прожилками не покрывалось. Усталым выглядел инспектор, но и только. Савельев успокоился и сел на место.

– А мне не по себе, – неожиданно скис напарник. – А вдруг зараза? Вдруг и вправду карантин нам полагается? Все планы псу под хвост!

– Тоже об этом думаю, – признался Савельев. – С дру-

гой стороны, чего теперь голову забивать? Проехали, не вернешься. Будет карантин, значит, будет. Нет – значит, нет.

Напарник остановил машину на обочине у перекрестка и опять первым выбрался на свежий воздух, чтобы указать новой колонне, куда сворачивать. «Модные» справились с задачей и без подсказок инспектора, но порядок есть порядок. Когда замыкающая машина миновала пост, напарник невесело хмыкнул, покачал головой и, заложив руки за спину, медленно прошелся от обочины к обочине. С нового ракурса было отлично видно, что из машин этой колонны выбираются десятки людей в разномастной полевой униформе и в штатском, а из зависших над полем «вертушек» выпрыгивают бойцы вполне спецназовского вида и при оружии. Издалека эта высадка очень сильно смахивала на первый этап реальной боевой операции. Напарник Савельева и сам когда-то давно участвовал в таких делах, только происходило это гораздо южнее подмосковных полей.

– Я ж говорил, не дипломаты, – сказал Савельев, присоединяясь к напарнику.

– Спецназ, – согласился напарник, – только чей?

– Армейский.

– Может, и фээсбэшный или «краповые», – напарник покачал головой. – Там-то, на дороге, смотри, какой винегрет. Хрен поймешь, кто понаехал.

– Так-то да, – Савельев вдруг, сам не зная почему, обернулся и окинул взглядом поток машин, текущий по Ярослав-

ке.

Поток в сторону области сбрасывал скорость, завидев у обочины экипаж ДПС, а вот машины, которые направлялись в город, притормаживали задолго до развязки и вовсе не потому, что видели стражей дорожного порядка. Народ воспринимал высаживающийся на поле десант как бесплатное шоу, которое грех пропустить, вот и тормозили.

«Так даже лучше, – подумал Савельев. – Натуральнее. Тут спецназ высаживается, там машины стоят, типа, наблюдают за учениями. Ничего такого, чтобы потом пришлось как-то заминать для ясности. Обычные учения как бы».

Лейтенант скользнул взглядом по автомобильному потоку и почему-то выхватил из общей массы машин среднеразмерный японский внедорожник. Машина была практически новая, чистая, с правильной половинчатой тонировкой и вообще ничем особенным не выделялась, разве что цветом. Черный джип мог вполне органично вписаться в колонну «модных», имей он соответствующий номер и мигалку. Но серия и номер машины подкачали, мигалки тоже не было. И все-таки Савельев заострил на ней внимание. В машине ехал только водитель, и смотрел этот водитель исключительно вперед, словно его ни на йоту не заинтересовала ни высадка десанта, ни автошоу из черных внедорожников и спецмашин на второстепенной дороге. Нет, может, его это и впрямь не интересовало, но разок-другой бросить взгляд он был просто обязан. А этот смотрел вперед и в зеркала, словно демонстри-

ровал инспектору, что он – дисциплинированный водитель и его интересует исключительно дорожная обстановка. Обычно так держались нетрезвые водители и новички, но этот вел машину ровно и плавно, так что явно не был ни пьяным, ни новичком. Вез что-то запретное?

Савельев рефлекторно подался к шоссе, но вовремя вспомнил, что поставлен не затем, чтобы останавливать подозрительные машины.

– Я тоже его срисовал, – косясь в сторону черного «японца», сказал напарник, – наверное, и он... этот... модный. Только из прикрытия.

– Может, и так, – Савельев покачал головой. – А может, и наоборот.

Черный джип неожиданно включил сигнал поворота и резко свернул на дорогу, которую как бы перекрыли напарники. Савельев успел махнуть жезлом: «назад», но джип не остановился и не развернулся, чтобы вырुлить обратно на шоссе. Он подъехал прямо к инспекторам и только тогда затормозил.

Стекло водительской двери опустилось, и на Савельева уставился достаточно молодой, лет около тридцати, но при этом на удивление серьезный и даже внушающий уважение только одним своим видом мужчина. Так показалось инспектору в первый миг. Потом он понял, что дело во взгляде человека: уверенном, пронизательном, умном и, казалось, абсолютно не соответствующем возрасту. Казалось, что в

глубине взгляда незнакомца кроется мудрость и жизненный опыт человека лет на тридцать старше. Трудно сказать, почему Савельев обратил внимание на все эти детали, почему вообще вдруг решил провести физиономическое исследование, но факт остается фактом. Человек в джипе произвел на лейтенанта сильное впечатление. На напарника тоже. Он вообще как-то вдруг стушевался и отошел на второй план, предоставляя Савельеву полную свободу действий.

– Надолго перекрыли? – спросил водитель.

– Пока непонятно, – доверительным (неожиданно для себя самого) тоном ответил Савельев. – Если вам в Ивантеевку, можно объехать.

– Не горит, – водитель покачал головой. – Случилось что-то?

– Учения, – не задумываясь, соврал Савельев, а потом вдруг выпалил, вовсе не понимая, зачем это делает: – Случайный пуск секретной ракеты...

– Не зацепило? – водитель окинул лейтенанта взглядом. – Кровь у вас.

– Ерунда, – отмахнулся Савельев. – Ну так что, подсказать вам, как можно объехать?

– Спасибо, я знаю. – Водитель закрыл окошко, развернул машину и успешно вклинился в поток, текущий в город.

Некоторое время офицеры молчали, глядя на проезжающие машины, а затем напарник Савельева будто бы очнулся:

– Как-то странно поговорили, – напарник потер висок. –

Вроде бы ни о чем, а ощущение такое, что ты ему всю историю выложил, от начала до конца. И я добавил пару комментариев. Как бы.

– Тоже такое чувство, – Савельев виновато взглянул на товарища. – Но ведь ты слышал, я ничего не говорил!

– Если уж поперла мистика, так поперла, – напарник вздохнул. – Быстрее бы сменили нас, пока мы еще во что-нибудь не вляпались.

– Поздно метаться, – Савельев указал на группу спецназовцев.

Группа отделилась от общей массы военных и направилась от места происшествия напрямиком к перекрестку, а если точнее – к полицейским.

– Господа офицеры, сдайте оружие и пройдите в «Скороую», – сказал старший группы из четырех бойцов.

– Шутить изволите? – спросил Савельев.

Старший группы был без маски, поэтому нетрудно было определить, что он предельно серьезен. И остальные спецназовцы вряд ли были настроены на шуточный лад. Смотрели они будто бы сквозь инспекторов, а оружие держали наготове.

– Пройдемте, – повторил старший.

– Не было печали, – напарник, снова вздохнув, вынул из кобуры пистолет и протянул спецназовцу. – Совсем плохо дело, да? Все-таки будет карантин?

– Ради вашей же безопасности, – военный сунул оружие

в карман. – Топайте.

Третье за последние полчаса резкое изменение ситуации окончательно лишило Савельева способности соображать, и он был вынужден покориться воле обстоятельств. Топать, значит, топать. Карантин, значит, карантин. И хватит загроужаться непонятными проблемами. Все, закончили на сегодня с загадками!

Волевому решению Савельева все-таки не суждено было воплотиться в жизнь. Когда офицеры вновь подошли к месту происшествия, случилось то, что окончательно «сломало мозг» и Савельеву, и его напарнику, да и наверняка многим другим свидетелям.

Сначала вдруг ни с того ни с сего лопнули задние колеса несчастного «уазика», а затем остов машины снова завибрировал, заскрежетал и развалился на мелкие ржавые кусочки. Причем эти мелкие металлические обломки продолжали вибрировать, словно осыпались не на асфальтовое шоссе, а на вибростенд. Длилось это дело около минуты, по истечении которой обломки измельчились до ржавой пыли. А еще через минуту исчезла и пыль, будто бы впитавшись в неровности и трещинки асфальта и растворившись в грязной каше на обочинах. На том месте, где недавно стоял изуродованный «уазик», не осталось практически никаких следов загадочного происшествия.

Но самое интересное заключалось в том, что никаких следов не осталось на служебных машинах и одежде людей. Еще

минуту назад машины были заляпаны подсыхающей кровью, а на одежде и лицах потерпевших красовались бурые разводы – ведь полностью смыть кровь не удалось никому. Но теперь все транспортные средства приняли первоначальный вид, одежда дипломатов и полицейских – тоже.

Савельев для верности похлопал по куртке, но с нее даже пыль не слетела. Подсохшая кровь бесследно исчезла.

– Это нормально? – оторопевший Фролов обернулся к Гаврилову, а затем скользнул взглядом по Савельеву и его напарнику.

– Почему я знаю? – Гаврилов пожал плечами. – Чтоб в пыль – это я видел. А что дальше бывает... не наблюдал... не до того было. А разве вчера и позавчера не так все прошло?

Фролов не ответил. Один из военных, судя по замашкам и повадкам, самый главный в их делегации, подошел к Фролову и деловито кивнул, отзывая Вадима Евгеньевича в сторону.

Когда Фролов и военный отошли, Гаврилов обернулся к полицейским и конвою, строго посмотрел на старшего группы спецназовцев, и тот от взгляда эксперта словно очнулся. Он кивком предложил Савельеву и напарнику все-таки выполнить предыдущий приказ, сесть в машину «Скорой помощи».

Савельев и напарник переглянулись, но ничего не сказали. А что тут скажешь? Разве что: «Спасибо непонятной аномалии за неожиданную очистку от подозрительных загряз-

нений и вечная память двадцативосьмилетнему раритету».

«Ах, да, – вспомнил Савельев, – я же решил, что эксперт по другому поводу упомянул про двадцать восемь лет. Интересно все-таки, по какому? Двадцать восемь лет назад, это был... 1984-й? Меня и в проекте не было. Интересно, что могло тогда произойти и какая может быть связь с нашим временем?»

Инспектор следом за напарником забрался в машину, уселся в кресло и устало откинулся на спинку. Если честно, ему было не так уж интересно, что там могло случиться в далеком восемьдесят четвертом году. На самом деле его интересовало, не затянется ли карантин. Очистка очисткой, но ведь отпускать инспекторов никто не спешил.

Именно по этой причине Савельев не выкинул из головы догадку о связи между каким-то происшествием в те далекие времена и тремя (как выяснилось) происшествиями за последние трое суток. Если в 1984 году случилось нечто похожее и карантин был недолгим, оставалась надежда, что и теперь он не затянется. Вывод казался вполне логичным, так что при возможности его стоило «провентилировать».

На передние сиденья «Газели» почти синхронно забрались два спецназовца, а в салон – врач, фельдшер и трое спасателей. Похоже, карантин действительно никто не отменил. Было непонятно, почему под него пока не попали дипломаты, но в остальном военные даже перестраховались, прихватили водителя машины спасателей и посадили в «Скорую»

конвой. Оставалось дожидаться, когда законное место займет шофер «Скорой», и карантинный экипаж мог спокойно отправляться в путь.

Савельев хмыкнул.

«Ну да, с таким-то конвоем и вправду «спокойно». Особенно спокойно от этого господам дипломатам и военным. Непонятно только, от чего они теперь страхуются? Зараза ведь исчезла. Боятся, что мы умом тронемся и бузить начнем? Было такое, что ли, в восемьдесят четвертом?»

Медики и водитель уселись впереди, а бойцы МЧС заняли места позади полицейских, немного поерзали, устраиваясь поудобнее, и расслабленно засопели. Видимо, в отличие от инспекторов, никаких проблем в связи с карантином они не предвидели. Савельев обернулся. Да, спасатели явно сообразили воспользоваться случаем и вздремнуть. Один свесил голову и уткнулся в воротник куртки, а другой прислонился к стеклу и закрыл глаза. Солдат спит – служба идет.

Лейтенант отвернулся и тоже расслабился. Оно и верно, теперь волноваться поздно, так почему бы не вздремнуть?

Мысль о сне вдруг реализовалась, да так резко, что Савельев не успел ничего понять. Просто выключился, словно получил удар по голове. Точно так же мгновенно вырубился и его напарник, а секундой позже – и оба медика...

...Водительская дверца распахнулась, но за руль «Скорой» сел не шофер, а Гаврилов. Усевшись, он обернулся и

окинул взглядом салон:

– Готово дело?

Спасатель, который сидел за Савельевым, сложил и спрятал в карман что-то вроде телескопической указки, которой секунду назад коснулся затылка лейтенанта, а затем и его напарника. Второй спасатель, нейтрализовавший доктора и фельдшера, проделал то же самое и вопросительно посмотрел на Гаврилова.

– Таймер на час, нормально?

– Годится, – Гаврилов кивнул. – А где шофер этой «кобылы»?

– Здесь, под лавкой, – ответил водитель машины МЧС. – Я о нем заранее позаботился.

– Вот и чудно, – Гаврилов удовлетворенно кивнул. – О втором экипаже гаишников парни тоже заранее позаботились. Километра через три, как раз на скоростном участке у них рулевое заклинит и тормоза откажут. И не забудьте, спасатели, когда будет объявлено, что карантин отменяется, выйдете отсюда радостными, а не как обычно.

– А как обычно? – буркнул один из спасателей.

– Физиономии такие, что даже сгущенка киснет прямо в банках, – Гаврилов погрозил спасателям кулаком. – Играть, как во МХАТе!

– Сыграем, не волнуйтесь.

Гаврилов обернулся к спецназовцам:

– Ты сядешь за руль, поэтому просто снимай броню и за-

кидывай в салон. А ты... – Гаврилов кивнул другому бойцу, – перебирайся назад. Полторы минуты у тебя на переодевание в медработника. Маску не забудь!

Как раз в тот момент, когда спецназовец перебрался из кабины в салон, открылась задняя дверь, и в «Скорую» заглянули еще двое бойцов. Кивнув Гаврилову, они молча сняли разгрузки и броню, затем куртки и шапочки и приняли от спасателей верхнюю одежду Савельева и его напарника.

– Оделись и сразу пошли, пошли! – Гаврилов указал на машину ДПС, которая так и стояла на перекрестке. – И не оборачиваться! Не дай бог, дипломат вас разглядит. Сядете в машину и сразу езжайте на пост.

– А как свое заберем? – один из бойцов кивком указал на оставленное в «Скорой» оружие и снаряжение.

– За «Скорой» поедете, – ответил Гаврилов. – Заодно сможете разгрузиться. Но пока – с глаз долой!

Бойцы закончили переодевание, захлопнули дверь и потопали к машине ДПС.

– А этих куда? – спросил спецназовец, переодевшийся в форму медика.

– В Москву, куда ж еще? – Гаврилов пожал плечами.

– А там?

– В Москву-реку, – пояснил Гаврилов и покосился на Фролова, беседующего с военным начальством поблизости от машины королевского экипажа ДПС. – Или в Клязьму, она ближе. Через час процесс пойдет, от них даже корма ры-

бам не останется. Одни пузырьки. И учтите, орлы, надо вовремя на точку прибыть. Там каждый ствол будет на счету. А вам еще место искать, где этот груз-двести сбросить.

– Пока триста, – заметил спасатель и мельком взглянул на Савельева, а точнее – на едва заметную серебристую метку, приклеенную к бритому затылку полицейского. – Еще час будут просто в коме. Только потом заряды сработают.

– Ну, груз-триста, – Гаврилов пожал плечами. – Не принципиально. Утонут с тем же успехом. Главное, в глубоком месте их сбросить, и поскорее.

– Знаю такое место, – заверил спецназовец, временно ставший водителем «Скорой». – И сбросить успеем, и на точку вовремя приедем. Еще и кофе поьем.

– Тогда все, пацаны. Раз по свидетелям решили, я возвращаюсь. Ваш выход через минуту.

Гаврилов почти бесшумно открыл дверцу, выскользнул из машины и вновь присоединился к компании Фролова. Практически для любого стороннего наблюдателя отлучка Гаврилова выглядела как незначительный рабочий эпизод. Ну, отошел в сторонку по нужде или выморкаться, мало ли? Во всяком случае, никто из команды Фролова уж точно ничего не заподозрил...

...Подозрения возникли только у водителя черного японского внедорожника, что в пятый раз за полчаса медленно проехал по большому шоссе мимо места происшествия.

Ведь кроме подозрительной суеты Гаврилова этот водитель увидел еще и топающих к машине ДПС «инспекторов». И не со спины, как мог их увидеть Вадим Фролов и его команда. Водитель джипа видел лица подставных и потому без труда определил, что это вовсе не те люди, с которыми он беседовал несколько минут назад.

Подмосковье, 27 февраля 2012 года

Бытует мнение, что проникнуть на секретный военный объект очень сложно. Для этого требуется либо брать его штурмом, либо разрабатывать хитроумный план, в котором будет учтена каждая мелочь: от расположения камер слежения и других систем охраны до графика смены караула. В целом все правильно, есть лишь одно уточнение. Звучит оно как простой вопрос: для чего? Для чего вы собрались проникать на объект? Устроить диверсию, что-то выкрасть, сделать фото объекта? Если первое, потребуется один арсенал средств, если второе – совсем другой, а для третьего и проникать никуда не нужно, есть длиннофокусная оптика, беспилотные самолеты-разведчики, спутники-шпионы, в конце-то концов.

Все эти уточнения относятся и к деталям хитроумных планов. Чтобы пронести и заложить взрывчатку, план проникновения должен быть действительно дерзким, неожиданным, оригинальным, а если вы собрались утащить какую-нибудь секретную деталь, особое внимание следует уделить проблеме отхода с объекта.

Хранитель, глава Арбитража, а по совместительству его основная ударная сила, не однажды в своей жизни разрабатывал подобные планы, поэтому ничуть не сомневался, что сумеет и войти в секретную военную лабораторию, и выйти,

и вынести то, что ему требуется. Охранялась лаборатория хорошо, а сегодня на территорию лабораторного комплекса прибыл еще и серьезный резерв, но и этот нюанс не смутил Хранителя. Ведь он не собирался сражаться с охраной. Он вообще не собирался шуметь и, как говорится, изобретать велосипед.

Он планировал просто войти утром, как обычный служащий, через КПП, миновать три строго охраняемых даже внутри объекта уровня и проникнуть в святая святых – в сектор перспективных разработок. И все это Хранитель собирался сделать почти легально, с помощью пропусков и кодов, добытых давно внедренным на объект агентом, а также при помощи голографической маскировки под начальника лаборатории. Поскольку охрана объекта и не догадывалась, что изобретенная еще четверть века назад маскировочная голограмма теперь активно используется в операциях секретной организации под названием Арбитраж, проникновение на объект должно было пройти удачно.

Так оно, собственно, и получилось. Помощница, тот самый внедренный агент, сообщила сегодняшней код-пароль, Хранитель успешно миновал три уровня охраны, и ровно через десять минут с момента начала операции ему оставалось только прихватить нужное экспериментальное изделие, документацию, уничтожить сервер с базой данных и уйти.

– У вас четырнадцать минут, Хранитель, – сообщил на специальной частоте Наблюдатель, третий член команды. –

Машина реального начальника лаборатории объехала пробку и свернула на Пятницкое шоссе. Охрана спокойна, на мониторах «пустая» картинка, датчики давления, объема, влажности и тепла работают, но ничего не улавливают. Качественный взлом системы, коллеги, поздравляю.

– Поздравления при встрече, – сказал Хранитель. – Красавица моя, что с защитой изделия?

– Готово, – ответила Помощница. – Датчики последнего рубежа тоже отключены. Можешь забирать изделие.

– Документация?

– Скопирована, сервер я зачищу, когда ты выйдешь.

– Где ты реально?

– Теперь в машине, все по плану. Мой фургон на уровне «Б». Это второй этаж подвала. Не надорвись.

Помощница иронизировала, но имелась в ее словах и доля истины. Секретное изделие было тяжеленным, словно автомобильный мотор. Впрочем, Хранителю не требовалось взваливать его на горбушку, в задачу входило лишь сдвинуть его с лабораторного стола.

Хранитель вынул из-за пазухи и активировал приспособление размером со стандартную книжку. «Книжка» выскользнула из руки у Хранителя, но не упала, а зависла в воздухе точно на уровне стола. Затем приспособление бесшумно трансформировалось в довольно вместительное корытце и подплыло по воздуху вплотную к изделию.

– Навались, – себе и заодно компьютеру, управляюще-

му сервоусилителями бронекостюма, шепотом скомандовал Хранитель.

Навалиться не удалось. Руки Хранителя вдруг провалились внутрь изделия и уперлись в стол. Никакого секретного образца на подиуме не было, место изделия занимала качественная голограмма. Учитывая, что в этой лаборатории не могло быть ничего подобного (Помощница этот факт мгновенно подтвердила), сделать однозначный вывод оказалось нетрудно: Арбитраж опередили. И Хранитель точно знал, кто это сделал.

– Здесь был Отступник, – Хранитель сдал назад. – Отбой. Уходим.

– Охрана зашевелилась, – в голосе Наблюдателя мелькнула нотка тревоги.

– Это не охрана! – вдруг возразила Помощница Хранителя. – Это чистильщики! Они перекрывают выходы! Хранитель, это ловушка!

– Разберемся, – спокойно сказал Хранитель.

– Подтверждаю, – сказал Наблюдатель. – Тебя заперли.

Хранитель подошел к двери, но автоматика и не подумала ее открыть. Хранитель ввел код, но снова не дождался результата. Не помогли и отпечатки пальцев начальника лаборатории, нанесенные на перчатки Хранителя. Лазутчик действительно оказался заперт в центральном отсеке лаборатории.

– Отступник, теряешь время, – негромко проронил Хра-

нитель и усмехнулся. – Это дешевый трюк.

– Я стираю данные с сервера! – сообщила Помощница. – Не могу добраться только до внутренней системы наблюдения. Ее кто-то использует.

– Все правильно. – На стене справа от Хранителя включилась большая телевизионная панель, и на экране возник силуэт Отступника. – Системой управляю я. И охрана усилена моими чистильщиками. Ты в ловушке, Хранитель.

– Проникновение на объект – это не кража секретного изделия, – спокойно произнес Хранитель. – Разбирательство не затянется. Надолго изолировать меня таким способом ты не сможешь.

– И не собираюсь, – Отступник усмехнулся. – Ты просидишь взаперти ровно до тех пор, пока не отключится твоя маскировка.

– То есть тебе нужно, чтобы я засветился. И после этого ты сразу выпустишь меня?

– Мгновенно.

– Не верю.

– Попробуем?

– Подождем.

– Ты сам так решил, – Отступник вновь усмехнулся. – Теперь устраивайся поудобнее и смотри, что будет дальше. Захар, покажи картинку из лаборатории!

Отступник обернулся и кивнул кому-то, не попавшему в кадр. Изображение разделилось на четыре фрагмента. В од-

ном по-прежнему маячил Отступник, а еще три показывали картинки из разных секторов военной лаборатории.

– Все помещения лаборатории под нашим контролем, – сообщил невидимый оператор. – Связь отключена, внутренние замки разблокированы, периметр чист. Начальник объекта по-прежнему уверен, что мы спецназ ГРУ, присланный для усиления охраны. Персонал тоже ничего не подозревает.

– Чистильщик-один, – позвал Отступник.

– Первый на связи, – тут же откликнулся лидер основной группы. – Нахожусь в центральном здании лаборатории. Бойцы на позициях.

– Начать полную зачистку! – скомандовал Отступник. – Валите всех, и военных, и гражданских. С контрольными в голову, чтоб никаких раненых, только трупы. Чистильщик-два!

– Второй на связи! – откликнулся лидер группы оцепления.

– Не выпускать никого! Прорвется хоть один свидетель, шкуру спущу!

– Есть, понял!

– Третий!

– Третий здесь!

– Начинай наводить марафет. Все по плану. Дыра в стене лаборатории, в заборе, следы в лесу, трупы охраны, а главное – не забудь залить на сервер новые записи камер слежения, когда первая группа закончит зачистку. Максимум

достоверности! Террористы уничтожили секретный объект Министерства обороны – не шуточки! Упустишь хоть одну деталь, контрразведка не поверит. И не забудь про фургон. Отгони его на шоссе и оставь там.

– А что делать с дамочкой?

– Я заберу, это мой давний трофей, – Отступник коротко рассмеялся и вновь обернулся к камере. – Нам будет о чем с ней поговорить, что вспомнить. Как думаете, Хранитель, она меня не забыла?

– Зачем тебе заложница, Отступник? – Хранитель старался сохранять спокойствие. – Ты получил секретный образец. Что еще тебе нужно?

– Ты знаешь, что мне нужно. – Отступник подался вперед, и Хранитель смог увидеть не только контуры его фигуры, но и лицо.

Отступник мало изменился за годы, прошедшие с их последней встречи. Чуть добавилось седины на висках, но в остальном он остался тем же. Тот же взгляд с искорками одержимости, та же вечная брезгливая гримаса, тот же косой шрам через скулу и верхнюю губу. Последнюю особую приметку на лице у Отступника много лет назад оставил именно Хранитель.

– Знаю, – ответил Хранитель. – А ты знаешь, что тебе не получить желаемое никогда. Ты одержим своей идеей вот уже двадцать восемь лет, неужели за это время ты не осознал, что она безнадежна?

– Пусть пройдет хоть сто лет, я не откажусь от своего замысла! – Отступник сдал назад в тень. – Впрочем, сто лет это слишком много. Мы решим все в этот раз. Я верну тебе Помощницу в обмен на ключ от хранилища.

– Шато не примет тебя, даже если ты войдешь в хранилище.

– Примет. Ведь я выполню для него твою работу, доставлю образец опаснейшего секретного оружия. Грозный, но предсказуемый Шато Диаман будет просто вынужден меня принять. Ну, так что, ты согласен на такой обмен?

– Отпусти ее, тогда и продолжим разговор.

– Нет, Хранитель! – судя по интонациям, Отступник был доволен собой. – Условия диктую я! И место, где состоится наш обмен, обозначу тоже я. Ну, так что, ты согласен? Время дорого, Хранитель, скоро очередной День «Д». На размышление у тебя лишь трое суток, до сумерек 29 февраля. Думай поживее. И не ищи меня! Место встречи я обозначу так, чтобы ты догадался, что это оно. Если ты не принесешь мне ключ, твоя Помощница умрет еще до того, как закончится 29 февраля... впрочем, нет... она умрет в первую минуту весны. Романтично, не правда ли? Я лично ее пристрелю, а секретный образец пушу с молотка. Ты потеряешь и Помощницу, и доверие Шато.

– Назначай место и выпускай меня отсюда, – решил Хранитель.

– Сними маску и посмотри в камеру.

– Черт с тобой! – Хранитель выключил голографическую маскировку и поднял взгляд на камеру внутреннего наблюдения.

В тот же миг в двери лязгнули, открываясь, замки.

– Как видишь, я держу слово, – сказал Отступник.

– Я тоже сдержу свое слово, – сказал Хранитель. – Если помнишь, я обещал тебе в прошлый раз, что следующая наша встреча станет для тебя последней.

– Не вопрос, – Отступник проронил это чуть нервно. – Я согласен. Все решится в этот раз, Хранитель, без вариантов... и без пощады. Встретимся на закате 29 февраля! Но сначала попробуй выбраться из этого ада, Хранитель! Внимание, всем группам чистильщиков, погнали!

– Я знал, что твоя мстительность перевесит расчет, – Хранитель покачал головой. – До встречи, Отступник. И не забудь предупредить своего потустороннего Покровителя, что скоро составишь ему компанию в тонком мире.

Телевизионная панель погасла, и тут же в эфир вернулся встревоженный голос Наблюдателя:

– Я все слышал! Помощница не отвечает! Я сумел подключиться к камерам слежения! Происходит что-то нереальное. Чистильщики идут по коридорам и, как в компьютерной игре, убивают всех подряд! Поторопись!

– Спокойно, – Хранитель включил новый режим маскировки. Теперь он стал почти невидимкой. – Ухожу по запасному маршруту. Высылай стрекозу.

– Стрекоза пошла.

– Включаю автопилот, – Хранитель толкнул летающую тележку.

Она выплыла в коридор, свернула вправо и достаточно быстро полетела к выходу на пожарную лестницу. Хранитель тем временем тоже выскользнул в коридор, сделал несколько шагов в другую сторону, вошел в лифт и нажал кнопку пятого этажа.

– Внимание, перехожу на открытую частоту. Спускаюсь.

Лифт, вопреки утверждению Хранителя, пошел вверх, но остановился не на пятом, а этажом ниже. Створки разъехались, и матовую поверхность внутренней обшивки лифта вспороли тяжелые пули. Несколько почти бесшумных очередей из специальных автоматов в считанные секунды превратили лифт в решето, но Хранителя пули не задели. Потому что его уже не было в лифте. Двое чистильщиков заглянули в кабину, осмотрели пол и потолок, обернулись к командиру группы перехвата и синхронно пожали плечами. Люки в полу и потолке кабины были закрыты. Командир группы усмехнулся и указал большим пальцем вверх.

– Хранитель, чистильщики на хвосте, – сообщил Наблюдатель.

– Знаю, – Хранитель к этому моменту уже поднялся по тросам к самому верху лифтовой шахты и выбрался через технический люк в чердачное помещение.

Короткая лестница и дверь выхода на крышу оказались

завалены хламом, но Хранитель быстро разобрал завал и одним ударом выбил замок в двери. В ту же секунду на чердаке появился авангард чистильщиков.

Хранитель одним прыжком убрался и с лестницы, и с линии возможного огня, упал, откатился в сторону и прыжком поднялся на ноги. Чистильщики бодро затопали по лестнице, но на крышу выбраться не смогли. Хранитель неожиданно вновь возник в просвете двери, подбил кверху ствол автомата в руках у первого бойца и почти одновременно нанес чистильщику удар открытой ладонью в лицо. Эффект был сравним с прямым ударом ногой в корпус. Чистильщик потерял равновесие, завалился назад и уронил по принципу домино двоих бойцов, шедших следом.

Хранитель тут же захлопнул дверь, сместился в сторону, но оставил прижатой к двери ладонь. Нет, Хранитель не надеялся таким способом удержать дверь. Смысл заключался в другом.

– Сварка! – шепотом скомандовал Хранитель.

По контуру двери рассыпались миллионы мельчайших искр, которые сверкали ровно секунду, а затем исчезли. В воздухе разлился едва уловимый запах окалины. Железная дверь, несмотря на отсутствие замка, теперь была задраена наглухо. Это постарались невидимые помощники Хранителя – нанороботы, следящие за состоянием брони его боевого костюма. Несколько колоний микроскопических механизмов переместились с брони на дверь и в доли секунды при-

варили ее к раме по всему контуру.

Хранитель сдал назад и быстро осмотрелся. На плоской крыше его никто не ждал, но в окнах пятого этажа соседнего здания, второго из трех стоящих в ряд одинаковых корпусов секретного объекта, заняли позиции несколько снайперов. В том, что это именно снайперы, Хранитель убедился через секунду.

Несколько пуль просвистели над головой, а одна даже проверила на прочность броню, толкнув Хранителя в плечо. Пришлось маневрировать и отходить к центру крыши. Как раз туда, где было нарисовано «яблочко» вертолетной площадки.

– Стрекоза над тобой, – сообщил наблюдатель. – Включаю увеличение картинки и усиление звука.

– Во втором корпусе снайперы.

– Вижу. Включаю имитацию рикошетов. Дьявол, ошибка системы!

– Они стреляют!

– Примитив! – фыркнул Наблюдатель. – Они что, кино не смотрят? Злодеи не могут подбить вертолет, пока он не вывез героя. Только бы машину испортить, что за люди? Все, имитация заработала по всем пунктам. Стрекоза снижается.

Хранитель поднял взгляд. Небольшой вертолет снижался настолько быстро, что казалось, если он не сбросит скорость, посадка может выйти чересчур жесткой. Наблюдатель, похоже, подумал о том же, поскольку в последний момент рез-

ко сбросил скорость и заставил «вертушку» зависнуть точно над «яблочком».

– Открывай!

В борту «вертушки» открылась дверь.

– Поднимайтесь, Хранитель!

– Три, два, один... – отсчитал Хранитель. – Я на борту, взлетай!

Из окон соседнего здания хлопнули еще несколько выстрелов, все пули легли точно в цель, на корпусе «вертушки» вспыхнули несколько искорок, словно от рикошетов, которые не причинили ей вреда.

Ведь на самом деле пули пролетели сквозь нее и ушли в небо. Крупная голографическая «цель» успешно заложила вираж и ушла в сторону города. О том, что вместо нормального вертолета над объектом зависала миниатюрная модель с уникальным лазерным проектором и звукоусилителем на борту, которые и создали иллюзию, что объект имеет нормальные размеры, знали только нарушители. Чистильщики посчитали, что вертолет был защищен легкой броней. Во всяком случае, Хранитель надеялся, что они посчитают именно так и не станут больше поливать наугад по плоской крыше, на которой в действительности по-прежнему маячил почти невидимый беглец.

Спуск по удобной кирпичной стене занял меньше двадцати секунд. Тысячи мельчайших крючков, образовавшихся на перчатках, обуви и наколенниках боевого костюма, обеспе-

чили отличное сцепление с кирпичной кладкой, не хуже, чем между половинками застежек-липучек. Очутившись внизу, Хранитель проверил запас энергии в аккумуляторах боевого костюма, сверился с системой слежения за транспортировочной тележкой и бесшумно двинулся к северной стене периметра. Ровно через минуту он снова взял на себя управление тележкой, которая благополучно долетела до конечной точки заложенного в автопилот маршрута и теперь поджидала хозяина вплотную к стене.

Включив на максимальную мощность сервоусилители костюма, Хранитель отошел на три шага назад, толкнул тележку вперед и вверх, а затем коротко разбежался и прыгнул сам. Шестиметровая высота покорилась с первой попытки.

Приземлившись с другой стороны забора, Хранитель снова отрегулировал мощность вспомогательных систем и быстро углубился в лесополосу, которая отделяла охраняемую территорию от шоссе. Лес был утыкан датчиками, а ближе к шоссе затаилась еще одна группа чистильщиков, но визуальная маскировка по-прежнему работала отлично, поэтому единственное, что могло выдать Хранителя, – звук шагов и следы. Хранитель умел ходить бесшумно даже по лесу, но сейчас важнее были именно следы на снегу. Да и какой смысл «хорошо идти», когда можно «плохо ехать», как говорится в известной пословице. Хранитель навалился на тележку и поплыл над землей на стандартной метровой высоте. Нагрузка резко увеличила расход энергии, но до шоссе

должно было хватить.

«Выплыв» из лесополосы, Хранитель осмотрелся. Поток машин был так себе, и поскольку асфальт на второстепенном шоссе оставлял желать лучшего, машины ехали не слишком быстро. К тому же рядом был крутой поворот, перед которым все сбрасывали скорость и вовсе до минимума. Вот из-за этого поворота и вырулила нужная Хранителю машина, черный японский внедорожник.

Почти поравнявшись с Хранителем, черная машина сбросила скорость, но не остановилась. Хранитель быстро пересек шоссе, открыл заднюю дверцу машины, загнал в салон летающую тележку, запрыгнул сам и захлопнул дверцу. Все за секунду. Со стороны могло показаться, что неплотно закрытая задняя дверь просто громыхнула, когда машина попала колесом в выбоину.

– Поздравляю, – без всякой радости в голосе проронил Наблюдатель, сидевший за рулем. – Пять баллов, Хранитель!

– Сарказм неуместен, – ответил Хранитель.

– Это не сарказм, – Наблюдатель вывел машину на главную дорогу и прибавил скорость. – Отступление прошло, как по нотам. Жаль, в целом операция провалилась. Что будем делать? Ты ведь не собираешься на самом деле отдавать ключ от хранилища Отступнику?

– А в чем проблема? – Хранитель невольно сунул руку за пазуху и нащупал цепочку с парой металлических жетонов в прозрачных пластиковых чехлах. – Он все равно не войдет.

С ключом или без него.

– Не уверен, – Наблюдатель покачал головой. – Вспомни, он все-таки есть в списке. Что, если пришло его время? Кроме того, ему необязательно входить, он может отправить в хранилище какую-нибудь мину, а сам остаться здесь. Помнишь, что он обещал?

– «Карфаген будет разрушен»?

– Ну, конкретно это обещал не Отступник, но смысл примерно такой же.

– Этот вариант я исключаю. Пусть он и прикидывается нервнобольным, на самом деле с головой у Отступника полный порядок. Он может разрушить хранилище лишь после того, как вывезет оттуда все содержимое.

– Это нереально.

– Вот именно. И Отступник это понимает. Поэтому, я уверен, его цель осталась прежней – занять мое место.

– И ты готов его уступить, чтобы спасти Помощницу?

– Готов. А ты сомневался? Одна проблема, кому какое место занимать, решает только Шато. Боюсь, Отступник не вернет Помощницу, пока не получит гарантий от Шато.

– Зачем же ты согласился играть по его правилам, если знаешь, что Отступник блефует?

– А у нас есть выбор?

– У нас есть три дня, чтобы придумать, как в очередной раз переиграть Отступника, – уверенно ответил Наблюдатель. – На этой проблеме предлагаю и сосредоточиться.

– Давай попробуем...

...Оставшийся путь до небольшого пригородного поселка, где в подвале стандартного двухэтажного дома находилась временная база Арбитража, товарищи молчали, напряженно размышляя. Когда за машиной сомкнулись створки автоматических ворот просторного гаража, Хранитель спустился в подвал, где занялся упаковкой спецсредств и подбором оружия для предстоящей встречи с Отступником, а Наблюдатель отправился в дом, чтобы, как он выразился, провентилировать ситуацию через сеть.

Часом позже Хранитель закончил свои дела и тоже поднялся в гостиную. Наблюдатель сидел, уткнувшись носом в ноутбук, и выглядел мрачнее тучи. Хранитель не стал вмешиваться и сосредоточился на приготовлении чая. В конце концов Наблюдатель захлопнул комп, помассировал переносицу и покачал головой. Без всяких комментариев было ясно, что обнаруженные им в сети сведения не содержали ни капли позитива.

– В этот раз Отступник совсем слетел с катушек, – Наблюдатель огорченно вздохнул. – Сорок четыре трупа. И все как бы висят на нас, коллега. Дело ведет военная прокуратура и параллельно свое расследование проводит контрразведка. Другие ведомства пока не подключены, но дайте срок, обложат со всех сторон.

– Плохо, – спокойно проронил Хранитель, наливая в

кружку чай. – Если начнут искать всерьез, нам не спрятаться, а найдут – не уцелеть. В воскресенье президентские выборы, все компетентные органы на нервах, не удивлюсь, если сначала начнут стрелять, а потом разбираться. Не ожидал от Отступника такой кровожадности.

– Подождите, то ли еще будет, – Наблюдатель невесело хмыкнул. – В следующий раз этот чокнутый Отступник вырежет не только персонал и охрану, а еще их семьи до седьмого колена, домашних животных и любовниц.

– Какая интересная иерархия, домашние животные и только потом любовницы! – Хранитель иронично взглянул на коллегу. – Слышала бы вас Помощница.

– Еще и всех знакомых уничтожит, вплоть до школьных товарищей и учителей физики, которые воспитали таких умников, – добавил Наблюдатель. – И авторов учебников по физике прихватит, чтоб не ерошили детям мозги всякими занимательными опытами, не побуждали к опасному научному творчеству.

– Тьфу на вас, – Хранитель поморщился. – Откуда такие нездоровые фантазии?

– Это у Отступника нездоровая фантазия, – парировал Наблюдатель. – Я просто моделирую его реакцию на очередной проигрыш. Он ведь опять проиграет, да, Хранитель?

– Слышу нотки сомнения, – Хранитель задумчиво взглянул на товарища. – Что вас смущает? Отступник и раньше вел себя по-скотски. Вспомните прошлый День «Д». Нам

повезло, что стычка произошла в относительно безлюдной местности. Теперь это происходит в Москве, дело плохо, но поправимо. Просто нам придется подключить резервы.

– Просто! – Наблюдатель всплеснул руками. – Если бы все было настолько просто, мы давно устранили бы Отступника! Распылили и загнали бы в пробирку, как в свое время загнали туда чуму и оспу! Но ведь не получается! А все почему?

– Отступник – слишком серьезный боец, – выдвинул свою версию Хранитель. – К тому же у него обширные связи и сами знаете чья почти мистическая поддержка.

– Нет, коллега! – Наблюдатель помотал головой. – Проблема в том, что мы слишком гуманны! Отступнику ничего не стоит вырезать сорок четыре человека, расстрелять четыре сотни, как было в Сомали в двухтысячном, или смыть одним цунами четыреста тысяч, как в Малайзии и Таиланде в 2004-м. А мы все время стараемся обойтись без потерь среди мирного населения. И он этим успешно пользуется!

– Вы предлагаете уподобиться этому извергу? – Хранитель сделал глоток и вопросительно посмотрел на коллегу поверх чайной кружки. – Предлагаете пожертвовать людьми? Шато нас всех сотрет в порошок, расстреляет и уволит.

– В обратном порядке, – подсказал Наблюдатель.

– Я пошутил.

– Я понял, – Наблюдатель кивнул. – Но я предлагаю другое. Я предлагаю быть жестче с самим Отступником. Да, воз-

можно, будут жертвы, но...

– Отставить!

– Коллега, дослушайте! – взмолился Наблюдатель. – Жертвы будут исключительно моральные! Более того, я очень сильно подозреваю, что тот, кому придется принести в жертву свое моральное здоровье, в конце концов получит щедрую компенсацию!

– Так, так, – Хранитель пристально посмотрел на товарища и снова перешел на «ты», как бы обозначая, что опять входит в боевой режим. – Вижу, у тебя появилась идея. Выкладывай, что задумал?

– Моя идея хороша, как ни крути, – Наблюдатель хмыкнул. – Я предлагаю аккуратно и ненавязчиво подключить к делу гражданина Фролова.

– Кого? – Хранитель чуть не поперхнулся чаем и удивленно вытаращился на Наблюдателя.

– Фролова Вадима Евгеньевича, – спокойно уточнил тот и улыбнулся. – Согласись, тонкий план. Мы подбросим Вадиму Евгеньевичу вводную информацию, спровоцируем провести небольшое частное расследование, а затем подскажем правильный вывод и... столкнем с Отступником. Если эту атаку поддержишь ты, Отступнику мало не покажется.

– А если подключить и других посвященных в тему...

– Отступнику точно станет не до хранилища и заложницы.

– Гениально, – Хранитель покачал головой. – Прimitивно, но... гениально.

– Все гениальное просто, но не примитивно! – возразил арбитр-наблюдатель.

– Мало времени, – немного подумав, засомневался Хранитель.

– Я успею! К сегодняшнему вечеру клиент созреет, к завтрашнему – прозреет, а двадцать девятого февраля окажет нам неопенимую услугу. Причем совершенно добровольно, уж поверь моему жизненному опыту.

– Хорошо, – после недолгих раздумий согласился Хранитель. – Но это будет лишь одним из вариантов. Параллельно я подключу старых приятелей, а направление главного удара оставлю за собой...

Закончить мысль Хранителю помешал короткий сигнал компьютера. Хранитель решил, что пришло какое-то сообщение по электронной почте, но Наблюдатель вновь сделался серьезным и сосредоточенным, значит, сигнал означал что-то другое.

– Похоже, Отступник меняет планы, – Наблюдатель поманил Хранителя к компьютеру. – Взгляни. Тревожный сигнал подает Программа Арбитража: мониторинг, технический уровень «А».

– Первичная вибрация, – Хранитель хмыкнул. – Отступник обещал, я сразу пойму, что это его рук дело, и не обманул. Непонятно только, почему сейчас? Он ведь собирался обозначить место встречи к вечеру 29 февраля. Что он опять задумал?

– Возможно, таким дорогостоящим образом он лишний раз намекнул на серьезность угрозы, а заодно решил устроить нечто вроде проверки бдительности?

– Видимо, так. Местечко он выбрал, прямо скажем, мрачноватое. Что послужило целью?

– Водонапорная башня, – Наблюдатель вздохнул. – Жаль, такой был раритет! Лет сто ему было, не меньше. Исторический памятник.

– Она все равно развалилась бы, не следит никто, – спокойно произнес Хранитель. – Будем считать выходку Отступника актом исторической эвтаназии. Я съезжу на место, а ты...

– А я займусь своим проектом, коллега, если не возражаете, – Наблюдатель потер руки. – Люблю этот процесс!

– Полоскать людям мозги? – Хранитель накинул куртку и направился к двери в гараж.

– Полно вам, коллега! – Наблюдатель махнул рукой. – Впрочем, я не обижаюсь. Не возражаете, если при описании событий 1984 года я использую кое-какие факты из вашей биографии?

– Используйте, – Хранитель усмехнулся. – Только не драматизируйте. А то, знаю я вас, коллега, любите вы «приврать для достоверности».

– А вот теперь я обиделся. – Наблюдатель сделал вид, что удручен, и даже вздохнул. – Впрочем, что с вас взять? Воспитанием современные герои не отягощены.

Хранитель вышел, а Наблюдатель открыл текстовый редактор, создал новый файл и, немного подумав, набрал первые строки.

«Джунгли засыпают постепенно. Сначала, когда солнце краснеет и только касается верхушек деревьев, затихает шум на нижнем ярусе...»

Народная Республика Кампучия (Камбоджа), 29 февраля 1984 года

Джунгли засыпают постепенно. Сначала, когда солнце краснеет и только касается верхушек деревьев, затихает шум на нижнем ярусе: в кустах, сплетениях торчащих из земли корней и непролазных зарослях бамбука. Затем, с наступлением сизых сумерек, прекращается движение в обвитых лианами ветвях среднего этажа. А последними, когда мир укрывается одеялом темноты, успокаиваются мелкие летающие обитатели верхушек. Из сонных ночных звуков остаются шум воды в небольшом притоке Меконга, шуршание в траве да редкие крики или хлопки крыльев ночных птиц. Джунгли словно сливаются в сплошную молчаливую массу, которая плавно, без видимой границы перетекает в небо. Даже мелкие, далекие звезды не помогают определить эту границу, ведь на прибрежных зарослях мерно мигают гирлянды из крупных светляков, которые вполне можно принять за россыпь неизвестного науке созвездия.

Пробуждение идет в обратном порядке. Сначала гаснут гирлянды на ветвях, начинают громко петь, свистеть, пощелкивать или немзыкально блажить всевозможные птицы и ящерики, а затем в движение приходит зелень. Поэтажно, сверху вниз. После птиц стряхивают дремоту и разминаются

перед новым днем обитатели покрупнее, вроде мартышек, а последними выбираются на свои тропы самые крупные жители: неторопливые гиганты слоны и всевозможные хищники, в том числе обитающие в воде.

Впрочем, не последними. Ведь есть еще люди.

Морпех Андрей Лунев заступил на пост как раз в тот момент, когда джунгли окончательно проснулись, просветлели и зазвучали вполне по-дневному, хотя до восхода оставалось добрых полчаса. По меркам людей – самый сон, «собачья вахта». Но Луневу, закоренелому жаворонку, было совершенно не в лом стоять на посту рано утром. К тому же его просто завораживала картина пробуждения джунглей.

Вот только сегодняшняя встреча с волшебным рассветом стала почему-то немного тревожной. Андрей не понимал, что сегодня пошло не так. Вроде бы джунгли просыпались, как всегда, по стандартной схеме, но где-то глубоко внутри у Лунева засело ощущение, что наступающий день обещает стать вовсе не таким, как предыдущие. Почему? Потому что этот день, 29 февраля, наступает раз в четыре года? Ну и что в этом такого? Занятный календарный факт, не более того.

И все же чем выше поднималось солнце, тем тревожнее становилось на душе. А еще к тревоге вдруг присоединилось острое, неприятное ощущение, что из далеких зарослей на другом берегу реки кто-то смотрит. Недобро смотрит, с затаенной ненавистью. Может быть, даже через оптический прицел.

Лунев буквально кожей ощущал волну зловещего холода, которая будто бы шла над гладью воды, накатывала и едва не сбивала с ног. Волна, конечно, была воображаемой, но слабость под коленками вызывала самую настоящую. Просто чертовщина какая-то!

– Пятый, – донеслось из ближайших зарослей.

– Пятый да, – без промедления откликнулся Андрей, внутренне радуясь, что привычные дела отвлекли от пугающего анализа странных ощущений.

– Кому не спится в ночь глухую? – из кустов выбрался зевающий сержант Захар Прохоров. – Не слышу эха, матрос.

– Стой, кто идет?! – Лунев окончательно отбросил посторонние мысли и обозначил движение стволом автомата в сторону «нарушителя». – Какая ночь, утро уже. Ты с поста слинял?

– А что, Карпыч еще не дошел? – Прохоров повертел головой. – Покурим пока? Есть курить?

– Кури бамбук, – в кустах позади Прохорова снова зашуршало, и часовые обернулись в сторону зарослей. – Здравия желаю, товарищ мичман!

– И вам не кашлять.

Из зарослей слева от тропы, на которой стояли Лунев и Прохоров, появился разводящий караула, полноватый, усатый, досрочно лысеющий мичман Карпенко. Единственный настоящий моряк в сводном отряде, нелегально высадившемся в джунглях братской Республики Кампучия, она же

Камбоджа, для выполнения секретного задания Генерального штаба, а также партии и правительства. Ни больше, ни меньше. По крайней мере, так утверждал замполит отряда капитан Кулемин.

– Новая вводная? – поинтересовался Андрей. – Снимаемся с якоря?

– Разговоры на посту! – зевнув еще шире, чем сержант Прохоров, Карпенко поправил едва не сбитую лианой пилотку с огромным «крабом» и кивнул бойцам. – Полундра потихому, чтоб кхмеров не разбудить. «Гипс снимают, клиент уезжает». За мной, мазуты!

– А куда, на корабль? – спросил Прохоров.

– На кудыкину гору, мять помидоры, – мичман сплюнул через левое плечо. – Не закудыкивай дорогу, Прохор! Что вы за масть такая, студенты московские, никаких понятий!

– Ну, несусеверные мы, – Прохоров развел руками. – Несусеверные, хоть режьте. Воспитание комсомольское, товарищ прапорщик.

– А в нюх за прапорщика?! – Карпенко нахмурился и поджал губы, отчего его моржовые усы встали дыбом, практически прицелились в обидчика, словно иголки дикобраза.

– Виноват, товарищ мичман, – Прохоров ухмыльнулся.

Среди старослужащих подначивать Карпенко считалось своего рода неопасной забавой. Ведь начальством он был ненастоящим, прикомандированным.

– Поганое воспитание, – Карпенко вздохнул, остановился

и махнул рукой. – Дальше сами, немаленькие. Мне еще три поста снимать.

– Так мы куд... – Карпенко резко вскинул руку и показал сержанту кулак, поэтому Прохоров мгновенно исправился: – Далеко перебазирuemся?

– Скоро узнаете, – отмахнулся мичман. – Шагом марш! Студенты!

Еще что-то бурча, но не сердито, а скорее для поднятия собственного тонуса, мичман углубился в заросли, а морпехи неспешно побрели прямо по тропе. И, как выяснилось, шли вразвалочку они совершенно напрасно. Команда «строиться» застала их, можно сказать, врасплох.

– Пацаны, что за аврал? – Не дождавшись от сонного воинства внятного ответа, Прохоров толкнул локтем ближайшего матроса. – Гаврюха, ты ж всегда в курсе. Че почем, хоккeй с мячом?

– В горы пойдем, – почти в рифму буркнул боец.

– Куда? – Прохоров удивленно вскинул брови. – А где тут горы? Ты прикалываешься, что ли?

– А я гребу, где тут горы? – матрос Гаврилов пожал плечами. – Сан Саныч так сказал. Переспрашивать я не стал.

– Горы Кравань, – пояснил Лунев. – Тянутся вдоль побережья Сиамского залива. Максимальная высота – тысяча восемьсот метров. Если по прямой, километров сто пятьдесят к юго-западу отсюда. Через Пномпень все триста будет.

– Андрюха у нас ходячая энциклопедия, – хмыкнул Про-

хоров. – Что ж получается, полторы сотни верст по джунглям, через территорию красных кхмеров, и без прикрытия узкоглазых дружанов из кампучийской армии? Зашибись вводная!

– Не ссы в трусы, Прохор, – пробасил из второй шеренги невысокий, но мощный боец по прозвищу Молотов. Никакого портретного сходства со знаменитым партийно-советским деятелем у матроса не наблюдалось, и фамилия не была созвучна с прозвищем, но жестяные кружки он плющил кулаком, как настоящий кузнечный молот. Отсюда и кличка. – Ничего пока не ясно.

– Скорее всего на точку подхвата выдвинемся, – поддержал Молотова матрос Гаврилов. – А оттуда «вертушками»... ту-ту.

– «Ту-ту» ему, – Прохоров едва сдержал смех. – Слышь, пацаны, Гаврюха на паровозе собрался лететь. Проснись, матрос!

– Отставить разговоры! – донеслось с правого фланга, это «проснулся» Сан Саныч, то есть командир первого взвода лейтенант Соколовский. – Становись! Р-равняйся! Смирно!

– Вольно, – перед строем появился командир отряда майор Бобров.

Как всегда, компанию ему составил замполит капитан Кулемин, а промежуточное положение, как бы и в строю, но при этом в сторонке, занял прикомандированный к отряду майор Евгений Сергеевич Фролов, человек загадочной военной

специальности и такой же ведомственной принадлежности. В дела морпехов майор не лез и общался только с командиром, замполитом и доктором. Даже с двумя взводными и с мичманом Карпенко несильно разговаривал. А уж матросов и сержантов вообще не замечал.

Исключением почему-то стал матрос Лунев. С ним странный майор не только разговаривал, но еще и бродил в компании Лунева по окрестностям. В одиночку бродить по джунглям запрещалось даже загадочным майорам, вот он и брал с собой одного бойца, чтобы успокоить командира. И бойцом этим всегда был Лунев. Почему так? Майор не объяснял, а сам Андрей друзьям не признавался. Отшучивался. Говорил, что майору требовались знания Лунева, которые, как известно, тоже сила. Ведь Евгений Сергеевич и без поддержки морпеха-срочника мог уделывать любого кхмера, но скуку-то кулаком не убьешь и кругозор с помощью бицепсов не расширишь.

Поскольку Андрей (подпольная кличка – Студент) и вправду знал немало интересного, версия устраивала почти всех товарищей. Цеплялся только Прохоров. Он не верил, что все настолько просто, и постоянно выпытывал, а не обучает ли майор своего любимчика каким-нибудь спецназовским премудростям в обмен на расширение кругозора. Ведь, по мнению сержанта, этот странный майор был офицером-разведчиком из ГРУ. Но Лунев не спешил развеивать или, наоборот, нагнетать романтическую загадочность, хра-

нил интригу в том виде, в котором она родилась. И Прохор от этого ужасно мучался. Очень уж ему было завидно, что крутой майор Фролов обратил внимание на заумного Студента, а не на бравого сержанта Прохорова.

Командир почему-то отложил озвучивание вводной, обернулся к Фролову и что-то у него уточнил. Прохор тут же воспользовался паузой.

– Тренер твой сегодня не выспался, – с привычным оттенком зависти, замаскированной под иронию, шепнул Прохоров Андрею. – Наверное, всю ночь Пол Пота по джунглям гонял.

Майор Фролов и впрямь выглядел не очень. Глаза покраснели, как после бессонной ночи, лицо осунулось, плечи устало опустились. Складывалось впечатление, что Фролов только что прибыл откуда-то издалека, чуть ли не спустился с тех самых гор Кравань и бегом одолел полторы сотни километров по прямой.

– Или квасил с доктором, – шепнул из второй шеренги Паша Карасев. – Зырь, шары у обоих красные. Точно «шила» накатили. У доктора его целая канистра.

– Была, – уточнил санинструктор Жигунов. – Вылакали весь спирт за месяц.

– Якорный бабай! Мы уже месяц тут загораем! – так же шепотом возмутился Прохоров. – Во, зашибись служба, прямо как...

Закончить мысль Прохоров не успел. Командир наконец

определился, с чего начать постановку задачи. Бойцы ожидали, что это будет развернутая вводная, раз уж командир так долго собирался с мыслями, но вышло наоборот. Бобров был краток, как склянки в полпервого ночи.

– Отряд, слушай боевую задачу! Выдвинуться в заданный район, высадиться и взять под охрану стратегический объект. Ожидается боестолкновение с противником. С превосходящими силами. Так что не сортировать. Своих вокруг объекта не будет. Огонь на поражение.

– Во, мы встряли, – шепнул Прохоров. – За-ши-бись!

– Командирам получить боеприпасы. Мичман, сухпайки на трое суток. Построение через тридцать минут в полной боевой. Время пошло. Разойдись!

– Я не понял, – пробасил Молотов, придерживая Карасева и Прохорова, – это что, папа так пошутил, «стрелять во всех подряд»?

– Ни хрена себе, шуточки! – Прохор нервно передернул плечами. – Мы-то стрельнем, не заржавеет, а они в ответ? Тоже небось не бананами будут кидаться.

– Тоже стрельнут, да еще как, – проронил Карасев. – Слышали же: «превосходящие силы». Кабздец какой-то.

– Скисли, хлопцы? – Троицу сгреб в охапку и подтолкнул в направлении сборно-щитовой оружейки мичман Карпенко. – Шевели булками. Сначала оружие и снаряга, потом ко мне, поможете сухпай раздавать.

– И что нам за это будет? – заинтересовался Прохоров.

– Разберемся, сержант, ты меня знаешь. И не бздеть, дедушки, какой пример салагам подаете! Подумаешь, пострелять летим раз в месяц. В Афгане некоторые каждый день духов мочат.

– Не, ну там-то... – Прохоров замялся.

– Карасев, Иванченко, ко мне! – крикнул из недр оружейки Сан Саныч.

Пришлось «дедушкам» разделиться, а затем и вовсе потерять друг друга из вида. Вновь встретились они только у каптерки. Кроме троицы «ветеранов» там уже стояли пятеро бойцов из компании Лунева. Так же, как «дедушки», матросы младшего призыва были полностью экипированы, вооружены и слегка горбились под тяжестью вещмешков. Кроме того, матрос Федор Бондаренко по прозвищу Купер был навьючен рацией, Жигунов тащил две сумки с красными крестами, а Коля Сивый, крепкий парень вроде Молотова, только повыше ростом, закинул на плечо пулемет. Боекомплект к машинке достался в нагрузку Гаврилову. Налегке собрался в поход только Лунев, хотя по боевому расписанию ему полагалось таскать на горбу «РПГ-7» с боекомплектком.

– А где твоя базука, Студент? – Прохоров окинул скептическим взглядом бойцов и остановился на Луневе.

– По наследству передал, – Андрей скинул рюкзак и принялся упаковывать в него сухпайки.

– А кому? – прицепился сержант. – И кто приказал?

– Ты меня достал! – Лунев взглянул на Прохора исподло-

бья. – Сан Саныч приказал. Отвали.

– Студент, по большой фляге воды каждый в зубы, – из каптерки выглянул Карпенко. – О, дедушки морской инфантерии явились, не запылились! Прохор, заползай в пакгауз.

– Куда нам еще воду?! – возмутился Купер.

– В зубы, я же сказал, в зубы, – мичман оскалился, демонстрируя ровные и нехарактерно для моряка целые зубы. – Все, матросы, снялись с якоря. Иванченко, дай им пенделя для ускорения кильватерной струи.

Матросу Иванченко (он же Молотов) не пришлось следовать совету мичмана. Бойцы сами сообразили, что сопротивление бессмысленно, подхватили каждый по жестяной канистре и побрели в сторону плаца.

– Это... песец... – тяжело дыша, проронил Гаврилов, когда бойцы добрались до плаца. – Мы чего, через джунгли тоже такими навьюченными попрумся? Руки ж будут трястись, хрен в кого попадешь.

– Сколько тебя наблюдаю, Гаврюха, столько удивляюсь, – сказал санинструктор Жигунов. – Ты каким местом слушал? Папа по-русски сказал «высадиться». Значит, прав ты был насчет «ту-ту», борта за нами прямо сюда прилетят.

– Воины, не спать, замерзнете! – послышалось с тыла. – Живее! Все в строй! Тяжелые баулы, понимаю, а кому легко? В темпе, в темпе! Становись!

Это замполит Кулемин подбадривал народ. Сам он, кстати сказать, ничего тяжелого на горбу не тасил. Рюкзак у него

был, можно сказать, детский, так что найти ответ на вопрос «Кому легко?» было нетрудно.

– Лунев молодец, – замполит встал посреди плаца и окинул взглядом занявшую свои места пятерку. Матросы нехотя поднялись с жестяных «табуреток» и сделали вид, что выстраиваются в одну шеренгу. – Только зря ты здесь окопался. У тебя особое задание будет. Евгений Сергеевич тебя не нашел?

– Нет пока, – Андрей снова повертел головой.

– Зашибись, Студент, снова оруженосцем будешь, – на плацу появился ухмыляющийся Прохор. – Не забудь сапоги майору начистить.

– Вдруг откуда ни возьмись... – проронил Жигунов.

– Выполз дядя Зашибись... – продолжил Купер.

– И такая дребедень... – подхватил Лунев.

– Появлялась каждый день, – закончил Коля Сивый.

– Вы чего, караси, опухли? – неубедительно возмутился

Прохоров.

В присутствии замполита качать свои дембельские права сержант не решался, поэтому конфликт угас на стадии искры.

На плацу наконец начал выстраиваться личный состав, а из зарослей, в которых стояли офицерские палатки, появился Фролов. Экипирован майор был более серьезно, чем замполит, к тому же кроме автомата он тащил еще и СВД с нестандартным ремнем, на который были нанизаны несколь-

ко подсумков с магазинами для винтовки.

Увидев майора, матросы быстро, как по команде, выровняли шеренгу. Майор окинул взглядом стоящих рядом с Андреем бойцов и что-то негромко сказал замполиту. Кулемин кивнул.

– Все пятеро и ты, сержант, – майор кивком указал на Прохорова, – канистры оставить, остальное подхватили и за мной шагом марш.

Бойцы двинулись за майором, автоматически перестроившись на ходу в колонну по двое. Первыми в колонне оказались Лунев и Прохоров.

Сержант едва сдерживал довольную улыбку. Неизвестно, какое особое задание приготовил Фролов для выбранных бойцов, возможно, радоваться будет нечему – вот возьмет и засунет их в самое пекло, но сам факт того, что майор наконец привлек сержанта к своим спецназовским делам, Прохору явно льстил. Он даже приосанился и походя бросал взгляды по сторонам, наблюдая, как реагируют другие матросы. Честно говоря, особой зависти во взглядах оставшихся в строю бойцов не наблюдалось. Некоторые и вовсе смотрели с явным сочувствием. Видимо, мысль о самом пекле пришла в голову не только Прохорову.

Частично подтвердилась эта версия, когда группа майора Фролова миновала северный КПП и потопала по тропинке в сторону большой проплешины – когда-то это поле было рисовым. Как морпехам и обещал командир, посреди поля уже

стояли, лениво рассекая лопастями воздух, четыре «вертушки», а на посадку заходили еще две. Майор на миг обернулся и указал бойцам на крайний слева борт. Когда группа приблизилась, выяснилось, что лететь группе Фролова предлагалось на американском «Ирокезе» тысяча девятьсот лохматого года выпуска.

– На таком крокодиле до врага не долетишь, местные дружбаны собьют, – проворчал Прохоров, окинув «вертушку» скептическим взглядом. – Или сам развалится от старости.

– Не дрейфь, сержант, – Фролов похлопал Прохора по плечу. – Машина еще сто лет прослужит, не скрипнет. Хорошая техника. Всем подняться на борт!

– Помельче не мог выбрать, да? – с заметным кавказским акцентом крикнул пилот, оборачиваясь к Фролову. – Зачем самых упитанных пригнал? Да еще с мешками! У меня «вертушка», а не «шестьдесят шестой», да! Как я с таким перегрузом полечу?!

– То ли ты не орел, Коба? – Фролов отмахнулся и показал большим пальцем вверх. – Взлетай! Погнали!

– Евгений Сергеевич, а на месте как будем действовать?! – Когда морпехи заняли места в «вертушке», нервная любознательность Прохора вступила в фазу обострения.

– На точке высадки рассредоточимся, – майор растопырил пальцы. – А потом справа-слева по одному короткими перебежками в заросли. Точку сбора я обозначу. А дальше

- делай, как я! Еще вопросы?! Задавайте, пока время есть!
- А остальные далеко от нас высадутся? – спросил Лунев.
- Далеко. У них другая задача. На объекте встретимся.
- Они же стрелять будут во все, что шевелится! – напомнил Прохоров. – Не попадем под раздачу?
- Не попадем, – Фролов покачал головой. – Мы первыми на объект проникнем! Там всех и дождемся.
- Теперь понятно, – Прохор кивнул, – что ничего не понятно! Если остальным придется с боем прорываться к объекту, мы-то как туда проникнем?! Просочимся, что ли?
- Вроде того! – Фролов вытащил из-под лавки здоровенную сумку, в народе такие баулы назывались «мечтой оккупанта». – Оголяйтесь, пацаны! Это ваша новая форма!
- Ух ты, американская? – первым в сумку сунул свой любопытный нос Гаврилов. – Ништяк! А ботинки?
- Кому подойдут! – ответил майор, тоже снимая снаряжение и форму. – Остальные в своих останутся. Прохоров, какой размер?
- Сорок третий.
- Вот, держи десятый номер! – Гаврилов достал из сумки ботинки. – То же самое.
- Точно?
- У меня маманя в обувном работает. Примерь!
- Тельники не забудьте снять! – Фролов достал из баула небольшой прозрачный пакет. – Документы сюда! Английский кто-нибудь знает, кроме Студента?

– Пару слов помню со школы, – сказал Прохор.

– Я немецкий учил! – крикнул Жигунов.

– Май нейм из Коля! – крикнул Сивый. – Аллес знания!

– Я школу с английским уклоном закончил, – признался

Купер.

– Это по твоему прозвищу понятно, – Фролов усмехнулся. – А ты, Гаврилов?

– Лучше промолчу!

– Значит, так и делай. Все так делайте! Если я говорю по-английски, кроме Студента и Купера, все молчат! Заговорю по-русски, можете тоже говорить!

– А если вырвется?! – спросил Прохоров. – Ну, там, загнулся или ушибся. Что тогда говорить?

– «Фак» говори или «шит»! – подсказал Купер.

– И это все?

– Все.

– Как же они обходятся? В один-то этаж. Даже как-то обидно за великий и могучий английский язык.

– Это наш великий и могучий, – возразил Гаврилов. – А у них язык вроде денег... этих... долларов – главное, чтоб в ходу был везде и смысл доносил. Товарищ майор, а что, там, на объекте, американцы будут? Не кхмеры?

– Там много кто будет! – Фролов загадочно усмехнулся. – И все злые. Но вы не тушуйтесь. Главное, делайте, как я. Документы все сдали? – Майор обернулся к пилоту и протянул ему пакет с документами. – Коба, это тебе на хранение!

– Я госбанк, да?! – вертолетчик недовольно фыркнул.

– Боброву передашь!

– Сразу не мог ему отдать?

– Не мог! – Фролов запустил пятерню пилоту в нагрудный карман, вынул оттуда что-то, взамен сунул пакет с пачкой военных билетов и снова обернулся к бойцам. – Кому жвачки? Андрей, раздай.

Майор бросил Луневу маленькую упаковку с белой стрелкой на обертке. «Ограбленный» майором пилот осуждающе покачал головой, но промолчал.

– Всем! – первым руку протянул Прохоров. – Настоящая, не таллинская?

– Здесь проще настоящей разжиться, – заметил Лунев, раздавая товарищам по пластинке жевательной резинки.

– Пеппер... мент, – осилил Прохоров название жвачки. – Зашибись! Теперь точно как янки будем. Жуем такие... форма, все дела. Еще бы рок-н-ролл врубить, и вообще класс!

– Оружие выдает! – Коля Сивый кивком указал на свой пулемет.

– Нормально! – крикнул Фролов. – Настоящие американцы тут тоже с «калашами» предпочитают бродить. Все переделались? Теперь слушайте главную вводную, бойцы! Если увидите хоть что-то непонятное – не трогайте и даже не приближайтесь!

– А что непонятное?

– Что угодно! Дым без огня, пар без чайника, деревья

необычные, предметы, машины. Или людей можете увидеть странных, которых здесь, в джунглях, быть не должно!

– Голых баб, что ли? – Прохор усмехнулся. – Или Деда Мороза на тройке с бубенцами?

– Кого угодно! – отмахнулся майор.

– Так можно много чего «увидеть», – усмехнулся Сивый. – У страха глаза велики. Вон, Гаврюха недавно бревно за крокодила принял. Из речки, как «Першинг», вылетел.

– Там правда крокодил был! – Гаврилов помотал головой и развел руки, насколько позволяла обстановка. – Пасть – во! Зубы – со штык-нож каждый!

– Сам ты крокодил! – Коля рассмеялся и толкнул Гаврилова в плечо. – Мы потом это бревно на дрова пустили. Я его лично распиливал.

– Здесь все будет чуть посерьезнее, – сказал Фролов. – Даже если решите, что вас посетил обман зрения, – не подходите! Это приказ!

– А стрельнуть в этот обман можно?

– Можно Машку за ляжку. Стрелять – если прикажу! Еще вопросы?!

– У матросов нет вопросов, – заявил Прохоров, поправляя импортный головной убор, и тут же задал следующий вопрос: – А рукава закатать разрешается?

– Обязательно! – Фролов продемонстрировал, насколько следует закатать рукава. – И помните, бойцы, ничего непонятного не трогать! Больше напоминать не буду.

– Что за объект такой? – наклоняясь к самому уху, спросил Прохоров у Андрея. – Радиоактивный, что ли?

– Не знаю, – Лунев пожал плечами. – Но лучше делать, как говорит майор. Ему виднее.

Андрею почему-то вдруг вспомнились утренние ощущения. Те самые, неприятные, которые он испытал, стоя на посту. После слов майора о странностях, которые можно увидеть в джунглях, в душе вновь всколыхнулось тревожное ожидание чего-то нехорошего, какое-то смутное, но очень скверное предчувствие. Андрей попытался вновь прогнать это неприятное ощущение, но ему помешало воспоминание о воображаемом злобном взгляде из зарослей и холодной волне ненависти, которая стелилась над рекой и едва не захлестнула его. Сейчас опять казалось, что тяжелый взгляд из джунглей устремлен на Андрея, а холодная волна уже почти захлестнула и «вертушку», и ее пассажиров. Лунев понимал, что скорее всего это фантазии, отголоски страха, который Андрей тщательно подавлял, но легче от этого понимания не становилось. Проклятая чертовщина никак не отпускала. А еще сбивала с толку крамольная мысль, что и взгляд, и волна могут оказаться вовсе не игрой воображения.

Слава богу, на выручку запутавшемуся в странных ощущениях и загадочных переживаниях морпеху Луневу невольно пришел майор Фролов.

– Крайняя вводная, бойцы! – крикнул Фролов, обернувшись к вертолетчикам и коснулся плеча второго пилота. – Сю

Линь, познакомься с ребятами!

Второй пилот обернулся, снял наушники и очаровательно улыбнулся сразу всем морпехам. Именно так – очаровательно. Все потому, что пилот по имени Сю Линь оказался симпатичной девушкой.

– Привет, мальчики, – с легким певучим акцентом произнесла Сю Линь. – Можете называть меня Люся.

– Е-мое, – вырвалось у Прохора, – телка!

– Не телка, а боец Народно-революционной армии, – майор исподтишка показал Прохору кулак. – Наш проводник и снайпер. Люся, как я и обещал, это тебе!

Фролов поднял СВД и показал девушке. Та кивнула и снова улыбнулась, но теперь только майору и вовсе не так, как бойцам. Не просто очаровательно, а еще и как-то загадочно, будто бы с оттенком кокетства.

– Спасибо, Женя!

– Евгений Сергеевич, – вдруг крикнул Лунев, – еще один «чарлик»! К востоку от нас, параллельным курсом идет!

Фролов выглянул в проем правой двери, затем наклонился к первому пилоту и хлопнул его по плечу.

– Коба!

– Э-э вижу, да! – пилот вскинул руку. – Пока на связь не вышел, нет его!

– Хотя бы чей он, можешь определить?

– Красные кхмеры здесь нет «вертушки», – сказала Люся. – У нас мало-мало, только в штабе. С корабль прилетел!

– Янки, – решил Фролов. – Зашевелились, гады!

– В горах оторвемся, – пообещал пилот.

– А пораньше нельзя?

– Перегруз, я же говорил, да! – пилот опять вскинул руку. – Как маневрировать, когда еле тянет?!

– Евгений Сергеевич, они семафорят! – снова крикнул Лунев. – Прямо из кабины, фонарем. Купер, читай!

– Дэн... жероз... ареа... – Бондаренко прищурился, стараясь не пропустить ни одного сигнала световой морзянки. – Опасная зона!

– Точно янки, – подтвердил версию командира Лунев.

– Короче, предлагают поменять курс! – крикнул Купер.

– Коба, есть фонарь? – Фролов, не дожидаясь ответа, заглянул в ящик под лавкой и достал оттуда довольно крупный фонарик. – Бондаренко, отвечай! О'кей, спецназ мишн, сикс код. Ну, то есть код шесть, понял?

– Так точно! – Федор проверил, как работает фонарик, а затем передал морзянкой сообщение.

С борта чужой «вертушки» тут же ответили.

– Код шесть Роджер! – частично перевел Купер. – Гуд лак... в смысле – удачи! Смотрите, сваливают!

– Белиберда какая-то, – буркнул Прохор прямо в ухо Луневу. – Кто такой Роджер?

– Это значит «принято, подтверждаем». Поверили то есть, что мы тоже янки и летим со спецзаданием в режиме радиомолчания. Потому и отвязались.

– Они не отвязались, – майор Фролов покачал головой. – Поводок отпустили. Так и будут болтаться на хвосте до самой точки. Доверяй, но проверяй!

– Зашибись, – Прохор покачал головой. – Чем дальше в лес...

– Тем ближе вылез, – с усмешкой закончил Коля Сивый. – Прорвемся, дядя. Зашибись, не очкуй!

Прохоров не ответил, только выразительно округлил глаза и слегка постучал кулаком себе в челюсть. Сивый намек понял, но лишь снова усмехнулся. Один на один против Коли у Прохора не было никаких шансов.

– Вон там ваши холмы, уже видно! – крикнул первый пилот, оборачиваясь к Фролову. – Полчаса – и мы на месте!

– Хорошо, Коба! Держись ниже!

– Э-э, куда ниже, слушай! С верхушки на верхушку прыгать предлагаешь? Мы на вертолете летим, а не на обезьяне верхом, да!

– Дым без огня, – вдруг проронил Коля Сивый и указал куда-то вниз. – Товарищ майор, смотрите, там поле горит! То есть не горит, но дымит!

– Что горит? – Фролов подался к правой двери. – Ах ты, черт! Коба, уходи влево!

– Что случилось?

– Маневрируй, сказано! – заорал майор, подкрепляя приказ энергичным жестом. – Влево! И жми давай! Окажемся над полем – кранты!

– Мы уже над ним!

– Вираж!

– Держитесь! – Пилот резко увел «вертушку» на вираж.

Удержаться оказалось непросто, но никто из вертолета не вывалился. Жигунов завалился на Гаврилова, а Коля едва не раздавил рацию, резко усевшись на нее верхом, но все обошлось «малой кровью». Разве что Купер выронил фонарик, который проехал поперек салона, выскользнул в левую дверь и, брякнув о посадочную «лыжу», улетел вниз. Бойцы переглянулись, но комментировать происшествие не стали, чтобы не расстраивать пилота. Фролов тоже видел, как был утерян фонарь, но, казалось, не придавал этому мелкому происшествию никакого значения. Майор сосредоточился на изучении местности.

– Теперь правее возьми! – крикнул майор пилоту. – Группу деревьев видишь? Три верхушки метров на пять выше остальных. На них ориентируйся.

– Женя! – к Фролову вдруг обернулась Люся. – Я чувствую! Дрожь! Надо садиться!

Девушка была явно встревожена. Она озиралась, будто бы пытаясь найти в салоне какие-то признаки неполадок, какой-нибудь предательский дымок из-под обшивки или пулевое отверстие.

– Э-э, слушай, нормальная вибрация! – заявил Коба. – Это вертолет, да!

– Давай на посадку! – приказал Фролов.

– Туда-сюда, – пилот помахал рукой. – Керосин жечь, да?!

– Садись, сказано!

– Есть, только площадку найду, да!

– Товарищ майор! – снова заорал Сивый. – У нас эта... сука... лыжа посадочная отвалилась! Смотрите!

– Коба, вниз, немедленно! – Фролов хлопнул пилота по плечу.

– Она рассыпалась! – Коля обернулся и уставился на Фролова совершенно круглыми от удивления глазами. – Прямо – раз! – и в порошок!

– Лунев, что слева? – Фролов обернулся к Андрею.

– Те же яйца! – вместо Андрея доложил Жигунов, он сидел ближе всех к левой двери. – Шлейф из ржавой пыли тянется!

– Приготовиться к аварийной посадке!

– А говорили, сто лет еще прослужит, – группируясь и прикрывая голову руками, проворчал сержант Прохоров. – А она на лету разваливается, херня заокеанская. Лучше бы на своей «вертушке» полетели!

Как раз к окончанию недовольной тирады Прохора «вертушку» охватила действительно сильная вибрация, в гамму звуков добавился сначала неприятный свист, а чуть позже и противный скрежет. «Вертушка» замедлила полет, а затем и вовсе зависла на месте.

– Майор, внизу вода! – крикнул пилот. – Пять метров! Удержу полминуты!

– Бойцы, мешки за борт! Прыгаем! Лунев, первый пошел! Прохоров, Сивый, Гаврилов, Жигунов, Купер! Пошли, пошли!

Фролов помог бойцам выкинуть рюкзаки, выбросил за борт винтовку и подтолкнул замешкавшегося Гаврилова. Когда все морпехи выпрыгнули, майор помог перебраться назад Люсе. «Вертушка» к тому моменту снизилась метров до трех, но при этом медленно прошла вперед метров на тридцать. Теперь внизу была не вода, а берег, поэтому выигрыш получался сомнительный. Вроде бы и невысоко падать, но приземляться придется на грунт. Тем не менее Люся не сплеховала. Выпрыгнула смело, приземлилась удачно.

– Коба, наша очередь!

– Прыгай, Фролов!

– Коба, не дури!

– Уведу «вертушку», да! Не мешай!

– Коба, она не взорвется, не бойся! Просто развалится!

Никого не заденет! Прыгай со мной!

– Майор, слушай, расстрелять тебя, чтобы понял, да?!

– Весь в тезку, чуть что – расстреливать, – процедил Фролов сквозь зубы и выпрыгнул из вертолета.

Со стороны падение «чарлика» выглядело как сцена из странного, но качественного фильма – нереально и в то же время убедительно, вот такой парадокс. Машина тряслась, словно в лихорадке, и буквально разваливалась на части, которые тут же превращались в мелкие обломки, а до земли

долетали и вовсе лишь в виде пыли. Причем странный процесс разрушения шел неравномерно: детали, сделанные из разных металлов, рассыпались с разной скоростью, а, допустим, стекла, сиденья и элементы внутренней обшивки держались почему-то дольше, чем любые металлические детали. Все шло к тому, что скоро в воздухе останется висеть один лишь Коба в своем кресле пилота и со штурвалом в руках.

Но этого, конечно же, не произошло. Наступил критический момент, когда корпус «вертушки» окончательно потерял жесткость, двигатель провалился в салон и заглох, а винты разлетелись во все стороны ржавой шрапнелью. «Чарлик» рухнул на землю и, вопреки предсказанию Фролова, взорвался. Впрочем, огонь быстро сошел на нет, остался только густой, закрученный спиралью дым.

Очень похожий на тот самый «дым без огня».

Москва, 27 февраля 2012 года

Вообще-то, у Вадима Евгеньевича Фролова, бывшего офицера ФСБ, а ныне начальника отдела Департамента безопасности Министерства иностранных дел, на этот понедельник были запланированы важные дела, а вовсе не встреча с коллегой в ресторанчике неподалеку от места службы. К тому же Вадим недолюбливал господина Павлова, который, как та черная кошка, постоянно перебегал Фролову дорогу. Иногда Вадиму даже казалось, что Павлов поставил себе целью выжить более молодого и активного коллегу из министерства. Но отказаться от встречи не удалось. Ведь сегодня Павлов почему-то решил изменить своим правилам и не перебежал дорогу, а фактически пошел Вадиму навстречу.

С чего вдруг? Этого Фролов пока не понимал. Совесть проснулась? Или сыграла свою роль деликатность дела? Окажись Вадим на месте Павлова, он поступил бы так же, с подобными вещами не шутят, но все равно было странно. Убежденный интриган и хитрец Павлов в кои-то веки поступил, как нормальный мужик. Случайно узнав в частной беседе с одним из сотрудников Третьего департамента Азии кое-что, касающееся лично Фролова, Сергей Борисович Павлов перешагнул через себя и сразу же поделился информацией с Вадимом. Спасибо ему, большое, человеческое, и респект за мужество в преодолении личной неприязни.

Скорее всего без скрытой интриги дело не обошлось, иначе Павлов не был бы Павловым, но никакого очевидного интереса в деле Сергей Борисович вроде бы не имел. Или имел, но тщательно скрывал – не важно. Гораздо важнее другое: личный интерес в деле имел сам Фролов. Ведь, вполне возможно, дело касалось судьбы отца Фролова, военного советника, пропавшего без вести во время одной секретной операции в Юго-Восточной Азии в 1984 году. Семье так и не сказали, при каких обстоятельствах пропал майор Евгений Фролов и есть ли вероятность, что он не погиб. И вот теперь появилась возможность это выяснить. Более того, кое-что сотрудники Азиатского департамента уже выяснили, и вероятность, что Фролов-старший до сих пор жив, приятель Павлова оценивал в пятьдесят процентов. Оставалось уточнить эти данные, но сделать это представлялось возможным, только изучив историю вопроса и в процессе этого изучения раскрутив некий клубок, немного странный и не совсем легальный в дипломатическом смысле. И заняться этим делом Павлов предлагал самому заинтересованному в нем человеку: Вадиму Евгеньевичу Фролову.

Если рассуждать здраво, пятьдесят процентов – вероятность никакая, орел или решка, жив или мертв, но она все равно показалась Вадиму очень даже приличной. Особенно, когда он вспомнил, что мама до сих пор ждет отца. Вслух об этом она не говорила, но ждала, Вадим знал это точно. Учитывая этот нюанс, за дело стоило взяться, будь вероятность

даже в пять раз ниже, так что Вадим практически не раздумывал. Согласился сразу, без вопросов.

Когда схлынула первая волна эмоций, возникли, конечно, и вопросы. Почему старший Фролов до сих пор не вернулся, если жив? Почему хотя бы не связался с родными? Откуда вообще дипломаты выудили эту информацию? Ответов Вадим не получил, зато получил от Павлова флешку с каким-то наполовину художественным текстом. Якобы в этом тексте была спрятана ниточка, потянув за которую он мог раскрутить вышеупомянутый клубок загадок и в результате, возможно, выйти на след отца. Никакой прямой поддержки, поскольку информация неофициальная, ни Павлов, ни загадочный «источник» из Азиатского департамента не обещали, но в случае успеха гарантировали любую помощь по дипломатическим каналам.

Вадим вполне допускал, что в деле имеется какой-то подвох, и все-таки согласился, решив, что, авантюрой окажется дело или нет, вопрос десятый. Фролов ухватился за возможность приоткрыть завесу тайны над исчезновением отца. Больше ему ничего ни от кого не требовалось. Если для этого было нужно взять несколько дней за свой счет и попробовать себя в роли сыщика, так тому и быть. На том Фролов и остановился.

Впрочем, все сложилось даже лучше, чем ожидал Вадим. Руководитель Департамента безопасности Осадчий не только дал отгул, но еще и проявил понимание.

«И в отпуск мог бы... но работы... сам знаешь, выше крыши, – сказал начальник. – Но неделю – не возражаю. Получается, еще и выходные захватишь. Можно даже до Бангкока за это время... или где он у тебя пропал, во Вьетнаме? Ребяток своих тоже можешь подключить по мере... Дело святое».

Получив отгул, Вадим вернулся домой, сунул флешку в разъем ноутбука, открыл файл и пробежал взглядом по первым строчкам.

«Джунгли засыпают постепенно. Сначала, когда солнце краснеет и только касается верхушек деревьев, затихает шум на нижнем ярусе: в кустах, сплетениях торчащих из земли корней и непролазных зарослях бамбука...»

Сразу стало понятно, что текст далеко не документальный, но Вадим примерно этого и ожидал. Ведь Павлов предупредил, что информация неофициальная. Это могла быть вообще неудобочитаемая подборка бесед с участниками событий, так что попытку неизвестного автора придать тексту художественный вид Вадим посчитал положительным моментом.

Фрагмент интригующе обрывался на фразе «остался только густой, закрученный спиралью дым, очень похожий на тот самый дым без огня».

Перечитав зачем-то последний абзац, Вадим попытался осмыслить информацию и сделать какой-то вывод, но почти сразу понял, что вводного фрагмента мало. Да, в нем упоминался отец, но что было дальше? И каким образом, ориенти-

руясь на старые данные, можно вычислить его местонахождение сейчас?

Фролов хотел было позвонить Павлову, чтобы уточнить, всю ли информацию тот записал на флешку, но Вадиму помешал телефонный звонок. Позвонил Давыдочкин. Помощник Вадима сообщил, что его, а также специалиста по всяким компьютерным делам Игоря и водителя Славу выделили Фролову в качестве личной команды. По утверждению помощника, приказ отдал сам Осадчий.

Некоторое время Фролов пребывал в недоумении, не совсем понимая, что ему делать дальше, но вскоре обнаружил, что с электронного адреса все того же Павлова ему пришли новые данные по делу. Это были координаты места, на которое Вадиму следовало выехать с группой. В сообщении Павлова упоминалось о некоем происшествии, которое косвенно связано с интересующим Фролова делом. Ничего более конкретного Павлов не сообщал, вновь предлагая Фролову делать выводы самостоятельно.

Что оставалось Вадиму? Только последовать рекомендациям Сергея Борисовича. Так он и поступил...

...Место происшествия оказалось отдаленным, унылым и безлюдным. Находилось оно за МКАДом, в мрачноватой промзоне. Свидетелем происшествия выступал всего один нетрезвый старичок, который представился как сторож. Что или кого конкретно он здесь сторожил, выяснить не удалось.

Если верить свидетелю, ровно в полдень с охраняемой им территории была похищена... старая водонапорная башня. Ни больше, ни меньше. Двухэтажная кирпичная постройка простояла сотню лет между заброшенным складским комплексом и остатками вросшей в землю железнодорожной ветки, но в полдень 27 февраля 2012 года бесследно исчезла.

Полицию сторож не известил о происшествии, поскольку «не успел ишшо», а теперь и не собирался, ибо принял за полицейских Фролова и команду.

– Оно бы все ничего, да у меня там складик свой был, – пожаловался сторож. – Припасы... там... бутылочки, книжонки. Да, я книги собираю! Их ведь скоро совсем перестанут печатать, вот на этот дремучий случай у меня тут, считай, золотой запас... был. Цельный спектр современной прозы туточки скопил. И все пропало! Туда идите, вон там она стояла!

Не представляя даже приблизительно, что тут могло произойти, и как бред нетрезвого сторожа-библиофила может быть связан с поисками отца, Фролов все-таки прошел к месту, где, предположительно, стояла башня, и вдруг... убедился, что старик не обманывает. В земле был отчетливо виден глубокий кольцевой след от фундамента. Башня или нет, но какое-то строение с основанием округлой формы на этом месте действительно стояло. И не так давно. Куда оно подевалось и почему ров, оставшийся там, где когда-то находился фундамент строения, имеет настолько гладкие и целые края

и стенки, словно башню аккуратно вынули из земли? Ответов на эти вопросы Фролов не нашел.

– Игорь, – подозвал помощника Вадим. – Найди спутниковые снимки этого места. Желательно свежие.

– Могу залить картинку в реальном времени, – Игорь достал планшетник.

– И это тоже, – согласился Фролов. – Но сначала снимки. На снимках местность выглядела чуть веселее, чем в действительности, но прояснить ситуацию с их помощью не удалось. Водонапорная башня исчезла в считанные секунды и без каких-либо видимых причин. Без минуты полдень она стояла на месте, а в одну минуту первого ее на месте уже не оказалось.

– Чертовщина какая-то, – проронил Вадим. – Игорь, можно отследить по секундам?

– Можно, – помощник вывел на экран компьютера фото. – Вот здесь дата и время. Ровно полдень. Башня на месте. А теперь... двенадцать часов десять секунд.

– Минут? – попытался уточнить Давыдочкин.

– Секунд, в том-то и дело. Башни нет. Сейчас попробую... ага... вот эти секунды. Облако какое-то.

– Скорее вихрь, – уточнил Давыдочкин.

– Пусть так, – согласился Игорь. – Унесло башню, получается. «Могучим ураганом», как говорится.

– Как-то это... не очень, – засомневался Фролов. – Урагана не было, да и унести кирпичное строение в два этажа...

как это возможно?

– Никак, – согласился Игорь теперь с начальником.

– Может, из пушки долбанули, – проронил Слава. – Или умной ракетой. С зарядом объемного взрыва.

Обычно водитель не вмешивался, но сейчас почему-то изменил своим правилам. И все согласились, что его версия наиболее разумна. Игорь подвигал картинку вправо-влево и остановился на секторе к западу от места происшествия.

– Машины... видите? Две легковушки и какой-то коричневый джип неподалеку останавливались. Больше ничего странного.

– Пушки на джипе не вижу, – заметил Давыдочкин.

– «РПП», – все так же невозмутимо парировал Слава. – Прямо из окошка.

– Взрыв должен быть, обломки, дым... – Давыдочкин помотал головой. – А тут нет ничего. Не срастается!

– Машину видели? – Фролов обернулся к сторожу.

– Чего? – сторож похлопал глазами. – Какую машину? Когда?

– В полдень. Коричневую машину видели поблизости?

– Так ить... не смотрел, – сторож развел руками.

– А слышали что-нибудь? – вмешался Давыдочкин. – Грохот, там... или взрыв?

– Не было ничего, – сторож помотал головой. – Тихо тут у нас днем. Так-то ездят машины, это да, но только утром и вечером. На склады приезжают, длинномеры... фургоны

всякие. А в полдень да по выходным, как на погосте, тишина.

– Еще и без звука, – сказал Игорь. – А ведь вихрь был неслабый. Определенно чудеса.

– Нет, ну, может, шуршало или ветер сильно шумел? – не сдался Давыдочкин. – Напряги память, отец. Дело государственной важности! Вспомнишь, мы тебе награду организуем.

– Так ить... – сторож изобразил, что задумался, даже замурил глаза для достоверности. – Нет, граждане товарищи, ничего не вспоминается. Ни ветра, ни шума. Может, я отлучился куда-то... не помню, уж простите.

– Понятно, – Фролов вздохнул и обернулся к водителю. – Слава, седлай, уезжаем.

– Три минуты, Вадим Евгеньевич, – водитель выглянул из-за машины и показал шефу кейс с автомобильным компрессором. – Колесо подсело, сейчас подкачаю и поедем. Три минуты!

– Добро, – Фролов кивнул.

– Вадим Евгеньевич, вот... в реальном времени, – Игорь кивком указал на экран. – Интересная картинка.

На картинке в реальном времени Фролов увидел свою машину и даже разглядел себя, сторожа и помощников. На складах было пусто. По другую сторону захламленной складской территории медленно маневрировали несколько достаточно новых, дорогих, а потому чужеродных в данном пейзаже машин, в том числе коричневый внедорожник, кото-

рый в полдень проезжал мимо башни. Интересно было и то, что чуть поодаль медленно курсировал еще один «вездеход», черный, и складывалось впечатление, что «стоя» машин во главе с коричневым джипом «загоняет» черную машину-жертву в ловушку складской территории. Или же наоборот, черный джип пытался спровоцировать коричневый на какие-то действия...

В общем, что это за игры на свежем воздухе, понять было трудно, да и в любом случае к делу Фролова они отношения не имели, поэтому Вадим сосредоточился на обстановке по эту сторону складов. Итак, он видел себя, но, опять же, не башню. То есть никакого обмана зрения, фокуса или подтасовки снимков не было, строение действительно исчезло.

– Ребятки, а у вас мелочишки не найдется? – сторож окинул группу Фролова просящим взглядом. – Я, может, и вспомнил бы чего, если б память чуток промыл. Тут рядом магазинчик, как раз за три минуты обернусь! Одолжите рубликов полста! А я вам книжек подарю... разных.

Фролов обернулся к Давыдочкину и вопросительно взглянул на помощника. Тот вздохнул, достал из кармана плоскую фляжку и вручил сторожу.

– Четвертинка? – деловито поинтересовался дедок и отвинтил крышку.

– стакан, – Давыдочкин поморщился. – Промывай, давай, память.

– Коньячишко?! – понюхав, сторож одобрительно хмык-

нул. – Доброе зелье! Ну, ваше здоровье, граждане товарищи.

Действительно ли стакан коньяка «промыл» сторожу память, или это была уловка, история умалчивает. Однако ровно через минуту после того, как он осушил фляжку, старичок неразборчиво, но радостно пробормотал какое-то ругательство, а затем без зазрения совести сунул фляжку в карман и указал на тарахтящий компрессор.

– Вспомнил, граждане товарищи! Ей-богу вспомнил! Хлопнуло что-то как раз ближе к полудню. Я подумал ишшо, колесо у кого-то на складе лопнуло. А потом думаю, так ить машины сейчас не ездят, у кого тут колесо может лопнуть? Ну, и забыл про это дело, как раз сморило меня чуток, я и заспал. А потом проснулся, вышел посс... подышать... гляжу, а башни-то и нету!

– Хлопок, – задумчиво резюмировал Вадим. – Громкий?

– Так ить... нет, говорю же. Подумал, что на складе лопнуло. В моей хибаре почти... неслышно было. Как от шампанского или, может, чуток погромче.

Старичок раскраснелся и говорить начал заметно медленнее. Фролову и команде стало понятно, что большего от сторожа не добиться. Вадим еще раз бросил взгляд на место происшествия, а затем жестом подал команду садиться в машину.

У Фролова не осталось сомнений, что водонапорная башня все-таки была, но сегодня ровно в полдень бесследно «сплыла», однако он совершенно не понимал, как это про-

изошло и какое отношение это происшествие имеет к загадочному исчезновению отца больше четверти века назад. Не имели внятных предположений и помощники Фролова. Пришлось озадаченной группе сыщиков-любителей покинуть неприветливые места и вернуться в Москву ни с чем...

...Вадим не стал никого задерживать и засел у себя дома один на один с проблемой. Ему лично, пожалуй, все-таки было о чем подумать, но загружать лишними раздумьями своих помощников он не видел решительно никакого смысла.

«Можно предположить, что это событие и упомянутый в мемуарах дым без огня – одного поля ягоды, – задумчиво уставившись на экран служебного компьютера, размышлял Вадим, – но какой из этого следует вывод? Произошла утечка секретных военных технологий? Кто-то взорвал фугас, похожий на тот, что применялся в Камбодже? Отец тут при чем?»

Фантазия подсказывала массу вариантов, но закоренелому прагматику Фролову требовались факты, а не версии. Привычка доверять только бесспорным уликам вырабатывалась у Вадима не один год, поэтому въелась в натуру накрепко. Да, сегодняшнее происшествие напоминало описанное в «Кампучийском тексте», но не имелось никаких твердых доказательств, что сейчас Фролов имел дело с тем же самым явлением, которое едва не угробило отца. Вадиму явно требовалось больше информации...

И она поступила. Вновь по электронной почте и вновь

от Павлова. Это был новый фрагмент текста по той же теме. Причем прямое продолжение предыдущего фрагмента. В этом Вадим убедился, когда дошел до фразы «выбраться из болота оказалось непросто».

Фролов скептически хмыкнул. Сборник неизвестно чьих воспоминаний никак не тянул на требуемое «твердое доказательство». Автор запросто мог приврать, а то и вообще выдумать всю историю от начала до конца, но на безрыбье, как говорится, годилась и такая информация.

Народная Республика Кампучия (Камбоджа) 29 февраля 1984 года

Каждый человек решает сам, верить или не верить «преданьям ветхозаветной старины, и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям Луны», но когда он сталкивается с чем-то необъяснимым, то непременно вспоминает обо всем вышеупомянутом да еще припоминает такие словечки, как «чертовщина» и «мистика». И в этот момент не имеет значения, верит человек во всю эту сверхъестественную чушь или не верит. Ведь надо как-то назвать происходящее и подчеркнуть, что разумному объяснению оно не поддается.

С точки зрения Лунева, лучшим названием для произошедшего с «вертушкой» могло стать как раз слово «чертовщина». И не только для произошедшего с «чарликом». Вполне укладывались в рамки этой характеристики и периодически возникающее чувство, что кто-то смотрит из джунглей, и холодная волна ненависти, охлаждающая перегретый организм морпеха Лунева. И что хуже всего, чертовщина вновь начала буйствовать в самый неподходящий момент. Андрею было ну никак не до нее, сил оставалось крайне мало, дыхание сбилось, а тут еще эта слабость под коленками. Ну, очень не вовремя!

Лунев заставил себя не оборачиваться и сосредоточился

на главном, на форсировании нестандартной водно-болотной преграды.

Выбраться из болота оказалось непросто. Чтобы не увязнуть в липкой жиже, приходилось ползти, но справились с задачей все. Последним на сухое место выбрался Гаврилов, которого неведомыми воздушными потоками или еще по какой-то причине занесло почти в центр заболоченного участка местности. Боец совершенно выбился из сил и поэтому на форсирование последних десяти метров потратил минут пять. Сивый и Жигунов пытались ему помочь, но Гаврилов мужественно отказался от помощи, поднапрягся и выполз самостоятельно. Майор Фролов, как ни странно, эту «попытку подвига» матросу не засчитал.

– Жилы рвать не время, – строго сказал он Гаврилову. – Силы еще пригодятся. Помогают – пользуйся. Усек?

– Так... точно... – Гаврилов откашлялся, сплюнул набившуюся в рот болотную грязь и кивнул.

– Осмотрели друг друга на предмет пиявок и прочей дрянни! – приказал Фролов. – Имущество, снаряжение, оружие! Все на месте?

– Один цинк... утопил, – доложил Гаврилов.

– Рация, – Фролов обернулся к Куперу.

– Цела вроде, – Бондаренко откинул клапан сумки и включил рацию. – Нет... что-то... не фурычит. Сейчас разберусь.

– Разбирайся. – Фролов жестом подозвал Лунева. – Скритно, вон туда, на пригорок, осмотришь.

– Есть!

– Мешка с формой не хватает, – доложил Прохоров.

– Там он, – сообщил Жигунов. – Видите, где коряга? Там он плавает.

– Если справа обойти, можно дотянуться, – предложил Сивый.

– Отставить, – Фролов обернулся к Люсе. – Далек до точки, как считаешь?

– Двадцать километров, – уверенно заявила девушка и указала на другой берег болота. – Туда. Зюйд-вест.

– Юго-запад, – перевел Фролов.

– Да, – Люся кивнула. – Долго ходить. Вечер.

– Вечер не годится, – майор покачал головой. – Полдень – край. Пацаны, приготовиться к марш-броску! Все из мешков на землю. Боеприпасы и фляги с собой, остальное в болото. Налегке пойдём. Купер, что с рацией?

– Похоже, абзац ей, товарищ майор.

– Бросай в болото! Лунев, ко мне!

Андрей быстро спустился с пригорка.

– Товарищ майор, разрешите доложить...

– Короче!

– Там, где «вертушка» упала, чуть дальше, движение в зарослях.

– Видел кого-то?

– Никак нет. Просто копошится кто-то. Кусты шевелятся.

– Ветра нет, кусты трясутся, что там делают?.. – Коля Си-

вый усмехнулся.

– Смеются. Над нами, – Прохоров застегнул не сильно похудевший рюкзак и закинул за спину. – Зашибись, как легко! Вот вам задачка из арифметики за первый класс: было два пуда жрачки, патронов и барахла, скинули все лишнее, но осталось почему-то полтора. Вопрос: ну, и что мы выиграли и зачем жратву-то в болото?

На ворчание Прохорова не отреагировал никто, поэтому сержант заткнулся. Без публики выступать он не любил.

– Лунев, Сивый замыкающими, – Фролов окинул взглядом заросли, о которых упомянул Андрей, и махнул, указывая на северный край болота. – Люся, веди... остальные за мной. Лунев, смотреть в оба! Если что, прикрывайте, пока группа не втянется в заросли!

– Есть! – Андрей взглянул на Колю.

Сивый сделался предельно серьезным. Что значит «прикрывать», он понимал не хуже Лунева.

– И под ноги смотреть! – приказал Фролов. – Тут мин кругом, будто коровьих лепешек на вологодских пастбищах. По полю идти в след, в лесу ступать по корням! Бегом марш!

Группа рысцой двинулась по краю болота в юго-западном направлении, но спокойного забега не получилось.

– Товарищ майор, а там снова дым без огня! – крикнул Сивый, указывая стволом в восточном направлении. – Сюда ползет!

Майор обернулся и негромко выругался. Андрей тоже пе-

ревел взгляд и увидел нечто непонятное. Коля был прав, пожалуй, наполовину. Какое-то облако, похожее на зеленоватый дым, закрученный в спираль ленивым вихрем, действительно двигалось в сторону болота, но то, что оно «ползет», Сивый определил неверно. Так казалось, поскольку облако имело приличные размеры и двигалось точно на морпехов. На самом деле непонятное природное (или не совсем природное?) явление только вращалось неторопливо, а приближалось достаточно быстро. До чадящих обломков «чарлика» облаку оставалась от силы минута, и до позиций бойцов, прикрывающих отход группы, – еще тридцать секунд, не больше.

– Нормально высадились, – Фролов почему-то усмехнулся. – В самую дырку. Догоняйте группу, пацаны, сам прикрою! И в темпе! Шире шаг!

– Ты что-нибудь понимаешь? – проронил Сивый, обращаясь к Андрею.

– Нечего тут понимать, – Лунев махнул рукой. – Ноги, Коля! За мной!

Бежать по вязкой грязи было тяжело, поэтому Лунев с Сивым нагнали товарищей, лишь когда Люся подала команду сбросить темп и группа притормозила. То есть догнали ее замыкающие только под сенью слегка пожухших за местную сухую зиму деревьев. А вот майор Фролов, хоть и появился в благодатной тени последним, мог считаться самым быстрым из группы. Ведь стартовал он с заметным запозданием, но к

промежуточному финишу пришел всего на пару секунд позже замыкающих.

– Там река, – Люся указала влево. – Крокодилы ням-ням. А там мины, – теперь проводница указала вправо, а затем махнула прямо. – Туда деревня. Кхмеры.

– Куда ни пойдешь, везде огребешь, – утирая пот и с трудом восстанавливая дыхание, прокомментировал Сивый.

– Я за «крокодилы ням-ням», – заявил Прохоров. – Всех, поди, не схоят.

– Первым пойдешь? – спросил Лунев.

– Я человек культурный, привык женщин вперед пропускать.

– Прямо, – решил майор Фролов. – Прямо через деревню. Всем молчать, изображать янки. Люся, веди.

– Женя, красный кхмеры никого не любить! – Люся посмотрела на Фролова чуть испуганно и, видимо, от волнения перешла с более-менее приличного русского языка на «гостевой диалект». – Ни янки, ни русский не любить. Хань тоже не любить. Злые-злые! Чужой – убить, очки надел – интеллигент – убить, даже читать умеешь – убить! Дикий-дикий люди! Опасно!

– Мы рискнем, – спокойно сказал майор. – Я знаю волшебные слова.

– Избушка, избушка, – проронил Коля. – Встань к лесу передом, а ко мне задом...

– И чуть-чуть наклонись, – добавил Жигунов.

– Шагом марш, – Фролов сделал вид, что не расслышал их реплик.

Группа двинулась почти в прежнем порядке, только теперь сразу за Люсей шел не Прохоров, а майор. Замыкали строй снова Лунев и Сивый. Пулеметчик почему-то слегка затянул с выполнением команды майора, и Андрей был вынужден подтолкнуть его в спину.

– Колян, не спи.

– Тихо, Студент! – Сивый вскинул руку и большим пальцем указал назад. – Ефрейтором буду, крадется кто-то за нами.

Лунев хотел было возразить, но вдруг осекся. Его неожиданно накрыла уже знакомая холодная волна, а в затылок будто бы ударил камень или словно кто-то отвесил Андрею крепкую затрещину. В следующий миг тело оцепенело, а в глубине сознания вновь возникла твердая уверенность, что из джунглей кто-то смотрит. Пристально и недобро. Андрей даже невольно содрогнулся. Чертовщина вернулась. Или же она не двигалась, а морпехи сами подошли к ней поближе. Это не имело значения. Важнее было то, что теперь ее холодное дыхание уловил не только Лунев, но и Коля.

– Это... джунгли шумят, ты же видел, «вихри враждебные веют над нами» и вообще повсюду, – с трудом переборов страх и оцепенение, возразил Лунев и снова подтолкнул Колю. – Снимайся с якоря!

– Не-ет, Студент, не джунгли это, – Коля медленно обер-

нулся, почему-то поднял взгляд к кронам деревьев и перешел на шепот: – И не вихри. Это... с глазами кто-то... я взгляд чувствую. Я...

Коля Сивый не закончил мысль. Ведь очень трудно мыслить и говорить, когда у тебя в голове дыра, проделанная винтовочной пулей.

В кронах деревьев заметался отзвук выстрела, поднялся птичий гвалт, и в тот же миг время для Андрея словно остановилось, а еще он будто бы увидел себя и Колю со стороны. Казалось, что вокруг бойцов сделала полный круг кинокамера, и Лунев увидел снятый ею эпизод.

Пуля попала Коле в затылок и вышла над левой бровью. Выходное отверстие, как и положено, оказалось больше входного, из него выплеснулись темно-вишневые, почти черные сгустки и множество мельчайших капелек крови, которые оросили все на расстоянии в несколько метров. В том числе забрызгали остолбеневшего Андрея.

Он медленно поднял руку, утерся рукавом и только потом сообразил, что представляет собой отличную мишень.

Дальше время, наоборот, будто бы ускорило. Андрей резко присел, вскинул автомат, щелкнул переводчиком огня и полоснул длинной очередью по зарослям. В ту же секунду Коля Сивый начал заваливаться как раз на Лунева. Андрей понимал, что придерживать тело товарища не имеет никакого смысла, но зачем-то все-таки попытался смягчить его падение, отчего потерял равновесие и завалился навзничь.

Как оказалось, и то, что Коля рухнул прямо на Лунева, и то, что Андрей растянулся на земле, пошло Студенту на пользу. В точности там, где секундой ранее находилась голова Андрея, просвистела еще одна пуля.

Лунев снова вскинул автомат и нажал на спусковой крючок. Одновременно он начал энергично работать ногами, упираясь пятками в податливый грунт, высвободился из-под тела Сивого, отполз назад, перекатился под прикрытие каких-то кустов и уже оттуда дал третью очередь.

Широкие листья кустарника прошила еще одна пуля, и Андрей понял, что пора опять перекатываться. Сменив позицию, он перезарядил автомат, но вновь открыть огонь не успел. Чья-то железная рука схватила его за воротник и затянула в глубокую яму, что обнаружилась в паре метров позади новой позиции Лунева.

Андрей дернулся было, пытаясь сопротивляться, но быстро сориентировался и затих. В яму его затащил майор Фролов. Убедившись, что глаза у Лунева больше не белые от страха и перевозбуждения и что он разобрался в обстановке, майор выпустил бойца из жесткого захвата, приложил палец к губам и взглядом указал сначала на средний ярус зелени, а затем на позицию между огромными корнями старого вывороченного пня, справа от ямы.

Эту позицию заняла Люся с СВД в руках. Девушка через оптику внимательно изучала кроны растущих вдоль тропы деревьев. Похоже, намечалась небольшая снайперская дуэль.

– Не покажется он, – шепнул Андрей. – Надо выманить!

– Сидеть! – строго проронил майор.

В тот же миг справа стукнул выстрел, а секундой позже в кроне одного из деревьев громко зашуршало, затрещало, а затем послышался глухой удар чего-то тяжелого о землю.

– Уходим! – Фролов потянул Андрея за рукав.

– А Коля?!

– Нет больше Коли, – Фролов махнул рукой Люсе. – Отползай! Медленно!

– Пулемет хотя бы... забрать... – хмурясь, сказал Лунев.

– Фиговый из меня учитель, – майор вздохнул. – Ты не понял, да? Нас обложили так, что носа не высунуть. Снайпер – это замануха. Расслабимся, встанем в полный рост, пойдем над Сивым горевать, остальные тут же шквальный огонь откroют. Заметь, твой Коля с пулеметом на самом открытом месте лежит. Все, забудь! Ползком за Люсей, марш!

– Это кхмеры, да?

– Может, кхмеры, а может, другие херы... – майор толкнул Андрея в бок. – Ползи!

Лунев прополз метров десять, не больше. На одиннадцатом метре прямо перед носом у Андрея прелая листва вдруг вздыбилась, и на свет божий явился какой-то грязный до безобразия человек с автоматом в руках. Человек резко сел, вскинул оружие, целясь Андрею в лоб, и что-то коротко выкрикнул. Как-либо отреагировать Лунев явно не успевал, а потому просто зажмурился.

Следом за выкриком послышался сухой щелчок, затем лязг затвора, а дальше хрип и бульканье. В лицо Андрею снова брызнуло что-то теплое и липкое, но теперь это стало поводом открыть глаза, а не зажмуриться. Новая картинка оказалась не менее впечатляющей, чем сцена гибели Сивого.

Боец партизанской армии красных кхмеров, возникший на пути у Лунева, выронил автомат, схватился за горло и теперь медленно заваливался навзничь, забрызгивая все вокруг кровью из перерезанной глотки. Горло у него было располосовано, как говорится, от уха до уха. А слева от врага, опираясь на локоть и вытирая нож о траву, полулежал... Прохоров!

– Чего вылупился, Студент? – Сержант делал вид, что ничего особенного не произошло, но руки у него заметно дрожали. – Я ведь колхозник, ты забыл? С семи лет помогал бабе свиней колоть.

– Пригнитесь, головорезы, – из ямы выбрался Фролов. – Повезло тебе, Андрей. «Калаш» у него китайский, патрон перекосило. А тут Прохоров подоспел. Должок теперь за тобой.

Фролов почему-то уставился на Прохорова, словно ожидая от него какого-то признания или даже покаяния.

– Вы ведь тоже целились, – нехотя проронил сержант. – Я мог бы и не напрягаться.

– Но уж если ты влез на линию огня, флаг тебе в руки, – назидательным тоном произнес майор. – Точнее, нож. И твое

счастье, Прохоров, что ты не замешкался. Иначе продырявил бы я и кхмера, и тебя, горемычного, понял?

– Понял, – Прохоров отвел взгляд. – Виноват. Учту.

– Учти. А ты, Лунев, учти дважды: что смотреть надо, куда ползешь, и что Прохору теперь должен.

– Я... понял... – Лунев ответил чуть рассеянно. – Отдам.

– Это точно, – майор усмехнулся. – Отдашь. И не раз. Скоро устанете считать, кто кому и сколько должен. Вперед, бойцы. И не расслабляться. Эти жабы тут столько нор понарыли, жуть!

– И мины еще кругом, – сказал Прохоров. – И «крокодилы ням-ням», и эта фигня, от которой «вертушки» в пыль рассыпаются... «дым без огня». Зашибись местечко!

– И это далеко не полный ассортимент нашего универмага, – майор снова усмехнулся. – Теперь молчок, пока не разрешу. Ясно?

– Так точно! – ответил Прохоров.

– Молчок, я сказал! Ясно?

Сержант и Лунев одновременно кивнули.

– Другое дело. Давайте, бойцы, двигайте поршнями.

Ползти пришлось не так уж далеко, но долго, несколько раз бойцы были вынуждены замереть и выждать, когда мимо прокрадутся кхмеры. Только теперь до Андрея дошло, насколько в действительности густо населены джунгли. И не только всевозможной живностью или непонятной чертовщиной, но и людьми. Лишь сейчас Лунев понял, что имел в

виду майор Фролов, когда говорил, что вблизи объекта будет «много кого, и все злые». Даже на дальних подступах джунгли выглядели, как проходной двор. Из чего следовало, что объект представляет интерес для трех как минимум сторон – для наших, янки и кхмеров. Получалось, рядом с объектом должно быть вообще столпотворение, как в ГУМе перед Новым годом.

Наконец троица сползла в небольшой овражек, поднялась на ноги и, пригибаясь, прошла еще сотню метров примерно в юго-западном направлении. Дальше овражек начинал ветвиться и мелеть, но это не имело значения. Дальнейший путь лежал поверху. И не втроем, а всей группой. Без вариантов.

Люся и с ней остальные ребята поджидали Фролова и его эскорт на развилке. Вид заляпанного кровью Лунева произвел впечатление, казалось, только на Жигунова и Люсю. Но что на самом деле выражал взгляд девушки, Андрей так и не понял, а санинструктор взглянул на товарища исключительно, чтобы убедиться, что кровь чужая, а сам боец не ранен. Выяснив это, Жигунов уставился на майора Фролова. Остальные впились в командира преданными взглядами с самого начала, как только он появился у развилки.

Оно и понятно. Ведь после первой встряски, когда пришлось выпрыгивать из гибнущей «вертушки», бойцы не почувствовали серьезность ситуации. Во-первых, это нормальная реакция, первая фаза любого шока – возбуждение и даже эйфория. Во-вторых, да, погиб пилот, но, как ни цинич-

но это звучит, кто его знал? Теперь же ситуация повернулась другим боком. Во-первых, на смену фазе возбуждения всегда приходит фаза угнетения, она же – тревоги и страха. И эта фаза так и поступила. Пришла, расположилась и начала качать права. А во-вторых, бойцов ошарашила потеря Коли Сивого, с которым они прослужили бок о бок полтора года! Получалось, любой из бойцов и в любой момент мог погибнуть, как погиб Коля?! Совсем другая песня!

Фролов первым делом приложил палец к губам, убедился, что жест увидели все бойцы, а затем так же жестом приказал всем сесть на корточки. Когда все присели, майор принялся раздавать приказы. Опять одними только жестами. Люсе он указал в сторону поблескивающей за деревьями реки и показал палец: «идешь первой». Прохорову досталась роль Люсиного сопровождающего. Жигунову майор указал двумя пальцами на глаза и ладонью обозначил сектор, который должен будет контролировать санинструктор – слева по ходу движения. Зеркальную зону наблюдения Фролов отвел Гаврилову. Куперу майор доверил наблюдение за воздухом и кронами. Луневу досталась позиция замыкающего. Фролов жестом пояснил Андрею, что его сектор это весь тыл, а сам майор пойдет... этого жеста Лунев не понял, как ни старался. Фролов сделал круговое движение указательным пальцем, словно пытаясь сказать, что будет сопровождать группу, летая вокруг нее и над ней, как святой дух, подтолкнул Андрея в спину, а сам бесшумно сдал назад и скрылся в кустах.

Лунеvu опять сделалось страшно. Все-таки рядом с майором было гораздо спокойнее. И дело даже не в том, что, как только Фролов исчез, тотчас вернулось ощущение присутствия поблизости чертовщины, которая как бы говорила: «ты на мушке, куда бы ни шел». Да, это пугало, но сугубо рациональному сознанию комсомольца Лунева все-таки пока удавалось справляться с атаками «мистической паники». Совсем другое дело – вполне земные опасения. Переизбыток поблизости бойцов противника пугал всерьез.

На миг Андрея посетила мысль, что Фролов играет в какие-то нехорошие прятки-поддавки, подставляя бойцов под удар, чтобы разведать боем, кто и в каком количестве висит у группы на хвосте. Спровоцировал эту крамольную мысль тот факт, что Фролов очень уж спокойно и даже как-то равнодушно отреагировал на потери. Может, он просто привык к таким вещам или у него внутри включился какой-то защитный психологический механизм? Вполне возможно. Ведь в боевой обстановке действительно не время горевать, лучше отложить это до возвращения, как говорят моряки, «в базу». И все-таки Андрей не понимал, почему майор вдруг повел себя настолько хладнокровно, даже в глазах ничего не промелькнуло, ни сожаления, ни сочувствия. А ведь раньше он казался вполне душевным человеком, разве что немного замкнутым. Получается, Андрей плохо изучил Фролова за месяц знакомства? Или Евгений Сергеевич намеренно скрывал свою истинную сущность?

«Нет, какая еще «истинная сущность»?! Глупости! Просто сконцентрировался майор на боевой задаче, вот и кажется теперь, что его словно подменили».

Лунев отмахнулся от неприятных мыслей, но осадочек, как говорится, остался...

Москва, 27 февраля 2012 года

О том, что с Лабораторией специальных исследований потеряна всякая связь, начальник Службы вооружений Минобороны генерал-лейтенант Кулемин узнал первым, еще в половине десятого. Но поскольку именно на сегодня по графику выпадала профилактика всех охранных и прочих электронных систем лаборатории, сообщение о перебоях со связью генерала ничуть не встревожило. Раз все шло по утвержденному графику, о чем беспокоиться? Что Лаборатория временно осталась без всяких там охранных датчиков, сенсоров и периметров? Тот, кто составлял график, согласно инструкции, обязан был подать рапорт об усилении на этот период физической охраны объекта.

Кулемин на всякий случай сверился с другим графиком. Да, все так и было. Большая группа спецназа поступила на весь сегодняшний день в распоряжение начальника ЛСИ. Все совпадало. На этом генерал и остановился. Однако выбросить тему из головы ему не удалось, не позволило дальнейшее развитие событий. Ровно через час связь с Лабораторией восстановилась, и обнаружилось такое... не приведи господь!

Кулемину пришлось отменить все запланированные дела и срочно выехать на место происшествия, но это оказалось не самым худшим, что ожидало генерала в этот «черный по-

недельник». Едва он заметил, что случилось с периметром вокруг лаборатории, ему стало ясно – худшее впереди. И это опасение в полной мере подтвердилось, когда он своими глазами увидел, что произошло внутри, а добились генерала комментарии полковника Грачева, курировавшего научные объекты Министерства обороны, в частности объект ЛСИ.

– Значит, диверсия, – выслушав рапорт Грачева, сделал вывод Кулемин. – Хорошо спланированная, подготовленная и профессионально выполненная. След взяли?

– Так точно, взяли. Нашли машину, здесь неподалеку. Имеются отпечатки пальцев и следы взрывчатки. Устанавливаем владельца.

– Что-то долго.

– Вы сами сказали – работать аккуратно, не поднимая шума. Если привлечь к делу полицию и ФСБ...

– Нет, – отрезал Кулемин. – Я сказал и подтверждаю, никаких посторонних, кроме военной прокуратуры. Это совершенно секретный объект, допустить утечку информации мы не имеем права. Сами найдем гадов. Тем более коллегам из органов сейчас не до наших проблем, выборы на носу. Что по разработкам?

– Сервер с базами данных уничтожен, но я в курсе почти всех разработок. Большая часть образцов перспективных изделий уничтожена на месте, но пока не найдены обломки ЦТО. Думаю, именно этот образец был главной целью диверсантов. Резню и погром они устроили, чтобы прикрыть

похищение ЦТО и сбить нас со следа.

– Похищение чего?

– Целевого тектонического оружия, – пояснил Грачев. – Самая перспективная разработка, строжайший секрет. В отличие от простого тектонического оружия, не является ядерным зарядом подземного подрыва, это изделие спутникового базирования. Изделие способно создавать эпицентр землетрясения строго в заданной точке на расчетной глубине. Если конкретнее...

– Достаточно, – Кулемин поднял руку. – Габаритный образец?

– Нет. Тяжелый, но габариты средние, вполне можно унести на руках и вывезти в багажнике легковушки. Как мотор легковушки, не больше.

– Главное – не меньше. Значит, просто в кейсе или в чемодане багажом не вывезут, потребуются транспорт. Особые свойства... радиоактивный фон или что-то еще образец имеет?

– Никак нет.

– Это хуже. Но ничего, подключим всех, в первую очередь ГРУ. Найдем и образец, и похитителей.

– Можно попросить полицию объявить план «Перехват», не уточняя...

– «Перехват» ничего не даст! – отмахнулся Кулемин. – И все остальные планы ничего не дадут. Только навредят. Я ведь сказал, мы не можем допустить даже возможность

утечки этой информации. Вы и сами это понимаете, Грачев. Тектоническое оружие спутникового базирования! Это же... казус белли! Если кто-то узнает, что у нас имеются такие разработки, да еще готовые к установке на спутник... Третья мировая начнется на следующий же день! Честно говоря, не думал, что в этой лаборатории разрабатывают настолько перспективное оружие. Понятно, что вкладывать огромные деньги во что-то менее грозное никто не стал бы, но настолько... И при этом мы, как всегда, сэкономим на охране?

– Никак нет, товарищ генерал-лейтенант. Охрана была адекватной. Прокуратура считает, что осуществить диверсию помогли внедренные агенты. Проще говоря, это либо профессиональный шпионаж, либо предательство.

– Час от часу не легче! – Кулемин достал платок и утер со лба холодный пот. – Грачев, если мы не вернем ЦТО, не поймаем диверсантов и не вычислим крота... нам всем п... ец! Вы это понимаете?

Полковник на миг оторопел. Он знал Кулемина давно, но никогда не слышал, чтобы генерал использовал ненормативную лексику. Нет, военные такие словечки применяли часто, и никому ухо они не резали, но слышать такое от Кулемина полковнику до сих пор не доводилось.

– Так, может... все-таки подключим чекистов?

– Никаких чекистов, – глухо ответил помрачневший Кулемин. – Военная прокуратура, ГРУ, контрразведка. Никаких посторонних.

– А если сами...

– Если сами пронюхают, тогда будем решать. Пока – строжайшая тайна и активный поиск. Если не хватит сил, попрошу начальство подключить ветеранов и законсервированную агентуру. Выполняйте, Грачев...

...Когда полковник отправился выполнять распоряжение высокого начальства, Кулемин достал телефон и нашел в длинном списке контактов номер, по которому не звонил уже четыре года. Поразмыслив пару секунд, генерал резко выдохнул и нажал вызов. Абонент ответил лишь после дюжины длинных гудков.

– Ваших рук дело? – без предисловий спросил Кулемин. – Похищенный образец у Отступника? Это как-то связано с 29 февраля?

– Да, – ответил абонент почти шепотом.

– Почему здесь? Почему на моей территории? Что ты молчишь? Не можешь говорить? Отступник рядом?

– Да.

– Перезвони, когда сможешь. Дам указания. И не затягивай!

Кулемин положил трубку и еще раз шумно выдохнул. Сбывались самые худшие опасения. Как ни старался генерал забыть некоторые неприятные моменты своего прошлого, ничего не получалось. То напоминали о себе некоторые личности из тех смутных времен, а то стечение обстоятельств снова заставляло Кулемина вспомнить далекий 1984

год. Раз за разом Кулемин прямо или косвенно, мысленно или словесно, но был вынужден возвращаться именно к событиям февраля-марта восемьдесят четвертого. И генерал совершенно не представлял себе, как разорвать этот заколдованный круг.

Ну, не «зачищать» же всю упомянутую в разговоре с Грачевым законсервированную агентуру, как обычно поступал со свидетелями Отступник! Кулемин, при всех своих недостатках, был не настолько кровожаден. А главное – не настолько близорук при построении планов.

«Так что еще посмотрим, чем дело обернется, – мысленно подбодрил себя Кулемин. – Отступник умен, он гораздо умнее меня и своих прямых противников, но у него есть недостаток – зачастую, в самые ответственные моменты, он ведет себя как натуральный псих! А я всегда сохраняю спокойствие и рассудительность. Тем и беру. Так что еще посмотрим...»

...Масштаб операции, которую развернула военная контрразведка, оказался настолько велик, что генералу Кулемину оставалось лишь смириться с тем, что буквально через два часа он уже не контролировал ситуацию, а превратился в один из винтиков заработавшей машины. Генштаб отнесся к утере ценного и опасного образца перспективного оружия со всей серьезностью. К поискам изделия и диверсантов подключились практически все службы и подразделения, и единственное, что соответствовало первоначаль-

ному плану Кулемина, – секретность. Руководство так же, как генерал, посчитало, что контрразведка и ГРУ справятся с проблемой самостоятельно, без привлечения к делу посторонних лиц.

Впрочем, плану Кулемина соответствовало и кое-что еще. подключение к делу законсервированной агентуры. Генерал не распространялся, что имеет таковую и кроме участия в общем поиске фактически проводит свое отдельное тайное расследование с помощью старых проверенных кадров. Это был своего рода козырь Кулемина во внутренней борьбе с контрразведчиками за лавры победителя схватки с коварными диверсантами.

Хотя, если по большому счету, какие уж тут лавры! Кулемину было жизненно необходимо реабилитироваться за прокол, пусть он произошел как раз по вине контрразведки, а не начальника Службы вооружений. Позже военная прокуратура, конечно, выяснит, что вся вина лежит на тех, кто не сумел вовремя вычислить предателей и шпионов, но ведь сейчас все выглядело так, будто бы крайним «назначен» именно Кулемин. Ведь диверсанты разбомбили объект, который находился в ведении генерала, с него и первоначальный спрос.

В общем, Кулемину стало предельно ясно, что пора вводить в бой все имеющиеся у него резервы. В том числе самые крупные козыри. В первую очередь агентуру в стане предполагаемого противника. Кстати, насчет предположения, кто на самом деле этот противник, Кулемин пока тоже предпочи-

тал умалчивать. И на это у генерала имелись причины, скрытые еще глубже, чем причина, по которой генерал содержал на довольствии личную законсервированную агентуру.

Звонок от самого «козырного» агента, который был внедрен в ближайшее окружение Отступника, застал Кулемина в разгар нервного совещания у начальника Генштаба, но генерал сумел найти предлог, чтобы на время покинуть «ковер» и выйти на связь с агентом.

– Докладывай, – закрывшись в секретной комнате, где гарантированно не было «прослушки», приказал Кулемин агенту.

– Вкратце ситуация такова. – Агент говорил быстро и негромко, но внятно: – Отступник завладел экспериментальным оружием, чтобы вместо Хранителя отправить его по назначению.

– Отступник все еще надеется договориться с Шато? Каким образом? Он ведь не имеет доступа в хранилище.

– В этом весь фокус. Отступник захватил одного из Арбитров и предложил Хранителю обменять его на ключ от хранилища.

– Однако! – Кулемин усмехнулся.

– Сам в шоке, – признался агент.

– Хотя... теперь понятно, зачем Отступник подставил Хранителя. Его зафиксировали камеры слежения в лаборатории. Получается, Отступник пока побеждает в тайной войне с Арбитражем?

– Он уже давно побеждает. Раньше Арбитров была целая дюжина, а теперь осталось пять, да и те разбросаны по миру.

– Но одно дело – убить Арбитра, и другое – спрятать. Каким образом Отступник собирается прятать Арбитра до нужного момента? Насколько я знаю, Арбитраж имеет свою систему постоянной связи. Ее не заглушишь. Хранитель легко может обнаружить местонахождение Арбитра.

– Особую систему связи между Арбитрами может нарушить... Покровитель Отступника, – в голосе агента мелькнули мрачные нотки. Даже упоминание о загадочном покровителе Отступника явно пугало агента. – Плюс к этому Отступник и сам ставит помехи. Два часа назад он распылил руины старой водонапорной башни в промзоне. «Дым без огня» создает в системе спецсвязи Арбитража «слепые пятна» диаметром до пяти километров.

– Грамотно. С одной стороны, обозначил район, где прячет Арбитра, но с другой – попробуй, прочеши такую площадь. Молодец, соображает. И чем решили ответить Арбитры?

– Похоже, Арбитраж решил подстраховаться и подключил к делу сотрудников Департамента безопасности МИД. Мы видели группу товарищей из этого ведомства неподалеку от места, где стояла башня.

– Что за чушь?! – Кулемин поморщился. – Почему именно их?

– Все просто, как мычание, – агент выдержал короткую

паузу. – Руководит группой этих сотрудников Вадим Евгеньевич Фролов. Отступник считает, что Арбитраж намерен аккуратно посвятить Фролова в свою версию текущих событий и в итоге склонить его на свою сторону.

– Ай, молодца, Хранитель! – Кулемин снова усмехнулся. – Сильный ход. Только, боюсь, Отступник – не тот человек, которого можно нейтрализовать таким способом. Хотя... на войне хороши любые средства. Возможно, Хранитель все делает верно.

– Отступник косвенно это подтверждает. Я пока не сообщил вам главного. Он решил взять группу Фролова под физический контроль, чтобы в решающий момент не допустить выступления Фролова на стороне Арбитража.

– Физический контроль? Внедрить в группу Фролова своего человека? Который, в случае чего... Фролова устранил?

– Так точно. И этим человеком он назначил меня.

– Это плохо, – генерал нахмурился. – Мне выгоднее, чтобы ты оставался рядом с Отступником. Ты не можешь выкрутиться?

– Нет, не могу.

– Плохо, – повторил Кулемин. – Хотя... поскольку в группе Фролова заинтересованы и Арбитраж, и Отступник, обе стороны постоянно будут где-то поблизости. Получается, твоя позиция будет даже более выгодной, чем раньше. Ты сможешь держать в поле зрения обе стороны конфликта. Что ж, одобряю. Действуй, как приказывает Отступник. А я по-

стараюсь сделать так, чтобы группе Фролова не мешали мои коллеги.

Кампучия (Камбоджа), 29 февраля 1984 года

Быстро, организованно и более-менее бесшумно группе удалось пройти с полкилометра. Как раз, когда впереди, в просвете между деревьями, блеснула речная гладь, справа затрещали выстрелы, и на головы морпехам посыпалась кора, стружка и ошметки листьев. Пришлось группе залечь и открыть ответный огонь. Попали в кого-то бойцы или нет – неизвестно, но огонь с правого фланга очень скоро прекратился. Люся тут же скомандовала уползать, и никто не стал с ней спорить.

Ползком группа одолела еще метров двести, но до реки так и не добралась. Путь бойцам преградила неширокая протока, в которой угадывалось злое шевеление каких-то крупных тварей. Скорее всего это были те самые крокодилы, о которых упоминала Люся. Устраивать им бесплатный «ням-ням» желающих не нашлось, поэтому все пятеро морпехов и проводница залегли рядком у самого берега.

– Чего делать-то? – прошептал Гаврилов, оборачиваясь к Луневу. – Я в эту речку не полезу.

– Никто не ползет, – сказал Андрей. – Люся, как ты собиралась форсировать реку? На лодке?

– Нет лодка, – Люся помотала головой. – Речка узкая. Пла-

вать-плавать.

Она приподняла винтовку над головой и показала, как будет загребать одной рукой.

– «Шикарный план, шеф», – прошипел Прохоров. – Крокодилы будут довольны. Моста поблизости нет?

– Там, – Люся указала вверх по течению. – Восемь-десять километров.

– Прилично, – Прохоров качнул головой. – Так восемь или десять?

– Восемьдесят, – более четко сформулировала Люся.

– Понял, отстал, – сержант посмотрел на Лунева. – Ну что, Студент, врубай свою умную голову. Придумывай, как водную преграду форсировать. Может, плот свяжем?

– А ты умеешь?

– Пробовал как-то, на пруду. У нас в деревне кайфовый пруд, большой, с кувшинками. Но там у нас камеры были от грузовика.

– Можно веревку туда забросить, – сказал Гаврилов. – Чего тут... метров десять протока, потом еще тридцать – речка. Типа лассо накинуть на пень какой-нибудь...

– Слышь, индеец, а ты хоть раз лассо кидал? – Прохоров усмехнулся. – Гойко Митич нашелся. Вождь краснокожих.

– Их ковбои кидают, – заметил Купер.

– Один фиг, мы ни те, ни другие. И пней я не наблюдаю, если не считать Гаврюхи.

– Сам ты пень!

– Тихо! – вдруг сказал Жигунов. – Ложись! «Духи» на реке!

Бойцы вжались в траву, а Люся еще и незаметно, бочком отползла под прикрытие кустов справа от позиции. Лунев тоже отполз вправо. С новой позиции можно было без опаски разглядеть идущие по реке длинные лодки с навесными моторами. В каждой такой лодке запросто могли уместиться человек десять, а моторы – настоящие автомобильные с длинными гребными валами, позволяли с такой нагрузкой идти против любого течения. Но сейчас четыре лодки шли по течению и сидели в них в общей сложности семь бойцов: с первой по третью по двое, и в последней – один. Все свободное место в лодках занимали какие-то тюки и ящики. Наверное, «духи» везли оружие и припасы. На двух тюках Лунев разглядел красные кресты.

– Это не красные кхмеры, – изучив экипажи лодок через оптический прицел, сообщила Люся. – Это... вообще неместные. Фаранги. Иностранцы.

– Иностранцы? – Андрей прищурился, но так и не сумел разглядеть сидящих в лодках бойцов – на головы все «лодочники» накинули капюшоны то ли маскировочных комбинезонов, то ли легких плащей камуфляжной раскраски. – Может, наши?

– Скоро узнать, – Люся указала на головную лодку.

Суденышко явно меняло курс, приближаясь к правому берегу. Нетрудно было вычислить, где оно причалит – на удоб-

ной отмели напротив того места, где протока впадала в основное русло реки. Навскидку получалось – метрах в трехстах вниз по берегу от позиции морпехов. В голове у Лунева вдруг зародилась лихая мысль – отбить лодки, но Андрей быстро остыл. Шесть на семь – расклад небезнадежный, плюс фактор внезапности, но, во-первых, местные джунгли – это не подмосковные леса, по которым «гоняются за туманом» туристы с гитарами. Здесь любой человек имеет при себе оружие, а туман зачастую у него в голове. То есть любой встречный-поперечный непредсказуем и потому потенциально опасен, а значит, даже при самом удачном раскладе не избежать потерь. Во-вторых, эти фаранги и вправду могут оказаться своими. А в-третьих...

Третий аргумент Андрей не придумал. Не успел. Ситуация вновь резко изменилась, и Луневу со товарищи пришлось просто реагировать на ее изменение, без лишних раздумий.

Внезапно из береговых зарослей по лодкам полоснули несколько очередей. Экипажи речных суденышек тотчас пригнулись, вжалась между тюками и спустя несколько секунд открыли ответный огонь. Два судна отошли практически к другому берегу, но головная лодка потеряла управление, воткнулась в широкую отмель у правого берега и наполовину выползла на песок. Получалось, что неизвестные из зарослей расстреливали ее практически в упор. Между тем ответный огонь из головной лодки не прекращался. Стрелял

экипаж в рваном темпе, то длинными, то короткими очередями, но продолжал сопротивляться, хотя по всем раскладам оба фаранга должны были получить уже по килограмму свинца «на душу населения».

Последняя лодка причалила со стороны большой воды к отделяющему протоку острову, а не к берегу, и если провести условную линию, получалось – прямо напротив позиции морпехов. Фаранг захлестнул носовой конец вокруг какой-то коряги и бросился в чахлый кустарник, единственное «украшение» островка. Позицию этот боец выбрал не самую лучшую, но выбор у него был небогат. Остаться в лодке представлялось более опасным.

Буквально через десять секунд это предположение подтвердилось. На островок тоже обрушился шквал огня. Самой лодке он не повредил, она находилась ниже поверхности островка, а вот фаранга, если бы он остался на борту, наверняка смело бы свинцовым шквалом. Боец в кустах выдержал паузу, а затем ответил. Вот только открыл огонь этот фаранг не по врагам, засевшим в береговых зарослях на сто метров ниже по течению, а по морпехам.

Никто из ребят не ожидал, что глазастый фаранг рассматривает их в кустах и примет за группу противника, совершающую обходной маневр, поэтому морпехи на секунду замешкались и не сразу отползли в глубь зарослей. И эта нерасторопность обошлась им довольно дорого. Пуля прошла бедро Жигунову. По мнению Люси, ранение не представляло

опасности для жизни санинструктора, но ходок из него теперь был никакой.

– Блин, что за debil?! – разорвав ИПП и лихорадочно накладывая повязку самому себе, простонал Жигунов. – Чего в нас-то начал палить?!

– Помогу, – Люся перехватила бинт. – Не дергать ногой.

– Не получается, она сама трясется, – Жигунов стиснул зубы. – Больно!

– Терпи, казак, – сказал Прохоров, разворачиваясь вправо. – И молчок! Там копошится кто-то!

– Загасят! – Гаврилов вжался в землю. – До них же рукой подать! Валить надо!

– Куда? – Прохоров взял автомат на изготовку. – Может, пальнуть по кхмерам трассерами, чтоб этот фаранг понял, что мы не против него?

– А против кого мы? – Лунев положил руку на ствол автомата Прохорова. – И трассеров нет. Отставить!

– Да, да, – согласилась Люся, – нельзя стрелять! Плавать!

– Куда плавать-то?! Там же этот... фаранг очумелый.

– И крокодилы, – проронил Гаврилов.

– Я обойду, – сказал Лунев. – Зайду с дальнего конца острова, проползу и уведу лодку.

– Ты с дуба рухнул?! – теперь уже Прохоров уцепился за автомат Лунева. – Куда под пули-то?!

– Эти, с берега, по фарангу лупят. Лодка на той стороне островка, вне зоны поражения.

– Ты пока доползешь, они фаранга уже сделают! Надоест строчить, врежут гранатами, и кабздец котенку, больше не будет писать по углам.

Будто бы откликнувшись на скрытый призыв Прохорова, бойцы из зарослей перешли на крупный калибр. Сначала на отмели, а затем на островке разорвалось несколько гранат. Били, видимо, не из подствольников, а из многозарядных ба-рабанных гранатометов.

– Тихо! – сказал Купер, когда стихли взрывы. – Слышите? Там, на отмели, уже не стреляют! Только тут, ближе палят. Гаврюха, глянь, что там.

– А чего я?!

– Ты ближе!

– Я не могу! В глаз что-то попало.

– Ссыкун!

Купер дернулся, было, чтобы выглянуть из зарослей, но его опередил Прохоров. Сержант прополз немного вперед, рискованно высунулся из зарослей, повертел головой пару секунд и резко сдал назад.

– Я, может, чего-то не понимаю, – Прохоров сплюнул, – только там, на отмели, теперь махач идет. Фаранги с другого берега тоже причалили и бьются с кхмерами на ножах. Шестеро против... хрен знает, сколько этих кхмеров.

– Шестеро? – удивился Лунев. – То есть из автоматов и гранатами кхмеры никого из фарангов не замочили? Они что, холостыми стреляли?

– Вот я и говорю – непонятно, – сержант пожал плечами. – А на островке этот хрен сменил позицию и тоже ничего так себя чувствует, постреливает. Только не прицельно.

– Ранен?

– Может, контузило?

– Прохор, за мной! – Лунев решительно поднялся и, пригибаясь, двинулся вверх по берегу.

Обходной маневр затянулся, поскольку пробираться пришлось по жутким зарослям, да еще так, чтобы не выдать своего присутствия. Подмывало сделать пару шагов вправо и промчаться по свободной береговой линии, но имелся шанс попасть в прицел глазастому фарангу на островке или засевшим на берегу кхмерам. Пуля в спину не входила в планы Лунева, да и Прохорова тоже, хотя заикнулся о пробежке по гладкому песочку именно сержант.

– Мы уже в тылу, у фаранга ведь глаз на затылке нет, – обливаясь потом и с трудом восстанавливая дыхание, проронил сержант, когда морпехи отошли достаточно далеко от места старта. – И кхмеры под таким углом нас не увидят.

– Отставить! – выдохнул Андрей. – Вон там узко совсем. Прикрывай!

Лунев продрался сквозь заросли еще метров на пятьдесят вдоль берега, а затем резко свернул к реке, тремя прыжками пересек прибрежную отмель, почти без брызг плюхнулся в воду и в несколько энергичных гребков форсировал протоку. Сержант дождался, когда Андрей займет место на островном

берегу, и тоже начал разбег.

Прохоров сделал только два длинных шага, затем споткнулся на ровном месте, рухнул на колени и резко махнул перед собой автоматом, словно это была коса. Приклад автомата с глухим стуком врезался в какое-то бревно, которое неожиданно вынырнуло у самого берега и рывком подалось прямо из воды в сторону сержанта. О том, что это на самом деле не бревно, Лунев догадался в следующий миг. Здоровенная рептилия раззявила огромную пасть, а затем захлопнула ее, громко клацнув зубами прямо перед носом у сержанта.

Прохоров еще раз отмахнулся, мгновенно вскочил на ноги и прыгнул назад. Крокодил тоже не задержался на месте, молниеносно подался на пару метров в сторону сержанта и снова раскрыл свой зубастый «чемодан». Ситуация складывалась угрожающая, и вся надежда была на то, что крокодилы редко цапают свои жертвы далеко на берегу, предпочитают охотиться у воды, чтобы сразу же утянуть добычу на дно. Вряд ли Прохоров знал об этой особенности, скорее всего просто полагался на интуицию. Так или иначе, сержант больше не стал отмахиваться, а вложил все силы и энергию в то, чтобы убраться как можно дальше от воды.

Лунев прицелился в крокодила, но вовремя себя одернул. Прохоров находился чуть дальше рептилии, но все равно на линии огня. Вот доберется сержант до кустов...

Крокодил словно почувствовал, что его держат на муш-

ке. Он резко развернулся, проворно проковылял до воды и скрылся под ее мутной гладью.

Лунев опустил автомат и вопросительно уставился на Прохорова. Сержант нервно усмехнулся, устало поднял руку и показал большой палец. Лунев в ответ просигналил «иду один, возвращайся». Сержант сначала отрицательно покачал головой, но подумал пару секунд и нехотя кивнул. Вариантов не осталось. Коварная рептилия наверняка затаилась в тихом омуте где-то неподалеку, и лезть в воду теперь представлялось форменным самоубийством. Сержант по-прежнему жестами сообщил, что приведет группу на это самое место, и скрылся в кустах.

Идти воевать фаранга в одиночку было страшновато, но к нормальному вполне обоснованному мандражу хотя бы не присоединился мистический страх, поэтому Андрей сумел справиться с предательским приступом достаточно быстро. Он внутренне собрался и припомнил то, чему его обучал Фролов. Главное – не выдать себя раньше времени и не нарваться на пулю с берега. Всего два условия. Оба условия легко выполнялись, если проползти по береговой линии со стороны основного русла. Главное, чтобы до того момента, когда Андрей окажется рядом с лодкой, фаранг не решил, что с него хватит, и не подался в бега.

Проползти удалось без приключений, рядом с лодкой тоже никаких сюрпризов не обнаружилось, а вот внутри...

Когда Андрей отвязал носовой конец и навалился на борт,

чтобы оттолкнуть лодку, а затем перевалиться внутрь, выяснилось, что прежний владелец все-таки собрался покинуть поле боя, но, похоже, ему не хватило сил. Фаранг лежал ничком между тюками, вытянув левую руку, словно пытался дотянуться до рукоятки газа. До Андрея только сейчас дошло, что мотор лодки заведен и постукивает на холостых оборотах.

Лунев аккуратно, стараясь не задеть тело, перебрался на корму, окинул взглядом нехитрую систему управления суденышком, взялся за рукоятку и потихоньку добавил газа. Мотор затарахтел более отчетливо, и в ту же секунду на берегу снова затрещали выстрелы. Андрей пригнулся и заставил лодку развернуться против течения. Несколько пуль вжикнули почти над головой, но затем стрельба прекратилась так же резко, как возобновилась. Луневу показалось, что он слышал какие-то крики, русский мат и непонятные хлопки, но все эти звуки донеслись со стороны отмели, где по-прежнему копошились фаранги и атаковавшие их врукопашную кхмеры. Какая сложилась обстановка на месте дислокации морпехов (и где теперь было это место), Лунев не понял. Информации на этот счет новая звуковая дорожка не содержала.

Лунев обогнул остров, направил лодку в протоку и сбросил газ, позволив суденышку плыть по течению. Позади осталось узкое местечко, где крокодил чуть было не пообедал Прохоровым, затем протока начала изгибаться, посте-

пенно открывая вид на отмель, но никаких признаков, что в береговых зарослях прячутся морпехи, Андрей не обнаружил.

Неужели сержант увел народ дальше, чем нужно? Или они вовсе никуда не ушли? Это был самый тревожный вариант. Не ушли, потому что отпала необходимость? Фаранги и кхмеры вырезали друг друга подчистую? Или засадный отряд кхмеров, разделавшись с бойцом на островке, перенес огонь на морпехов и всех перебил?

Внутри неприятно похолодело. Что ж получается, бросил товарищей в беде? Заигрался в лазутчика и не помог друзьям, когда это было нужно?

– Алло, гараж! – донесся из зарослей громкий шепот. – Причаливай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.